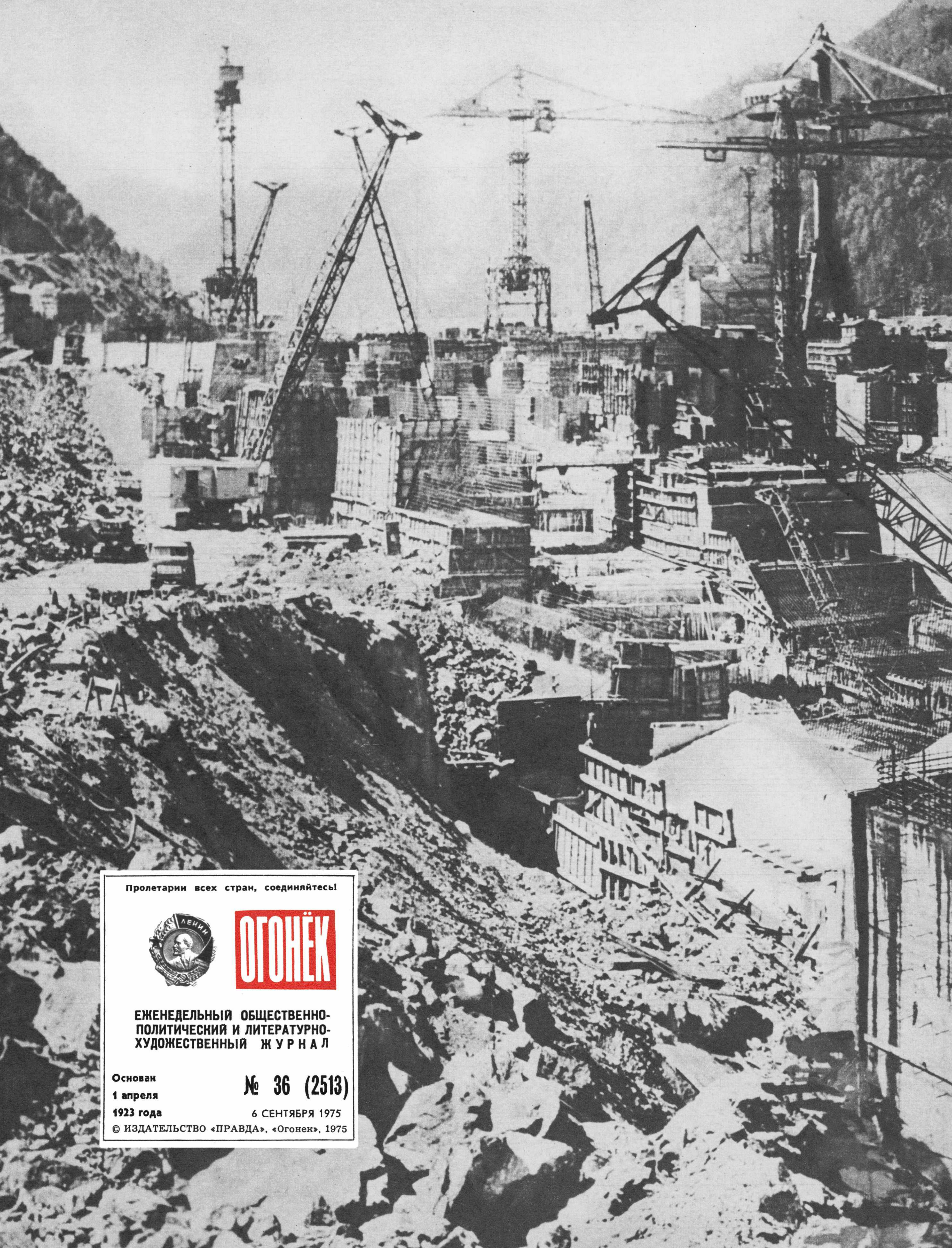

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

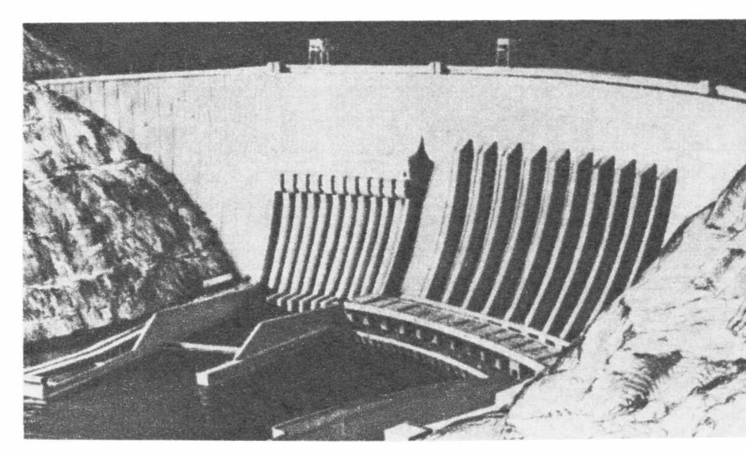
Основан 1 апреля 1923 года

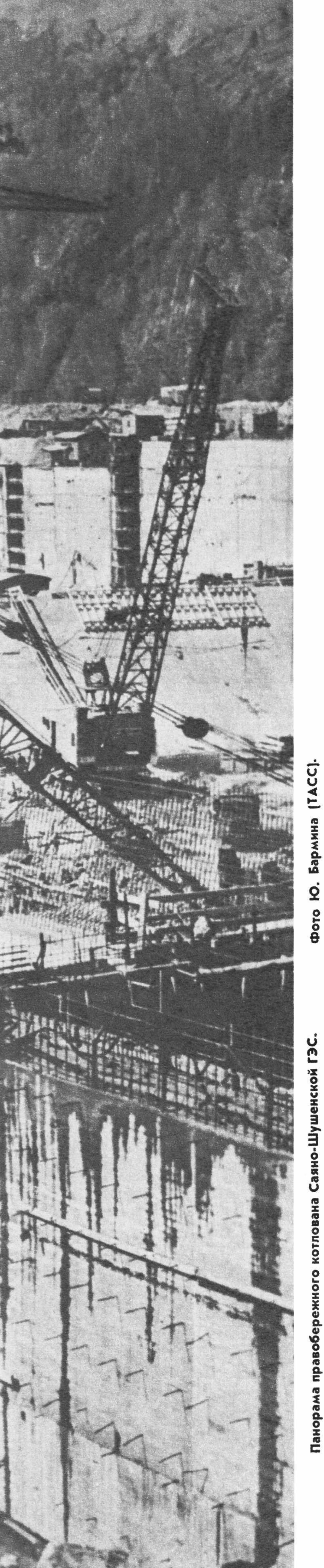
№ 36 (2513)

6 СЕНТЯБРЯ 1975

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1975

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

Макет плотины Саяно-Шушенской ГЭС.

Панорама правобережного котлована Саяно-Шушенской ГЭС. Фото Ю. Бармина (ТАСС).

МЕЧТЕ — СБЫТЬСЯ!

Ю. ЗАХАРОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

На отвесном выступе скалы в Карловом створе смельчаки выложили огромными буквами слова: «Мечте Ильича сбыться!»

Неподалеку от Шушенского на Енисее раскинулась огромная стройка: здесь сооружается ГЭС.

Когда специалисты поясняют, какой она будет, то для сравнения обращаются к самой мощной пока на планете Красноярской ГЭС. Как известно, мощность ее шесть миллионов киловатт. Саяно-Шушенская ГЭС будет мощнее на четыреста тысяч киловатт. И не за счет увеличения числа агрегатов. Наоборот, энергоблоков установят меньше, но каждая из десяти саянских машин будет равна Днепрогэсу! А в плотину у Карлова створа строители уложат около девяти миллионов кубометров бетона — вдвое больше, чем в Красноярскую. К тому же поднимется плотина новой ГЭС намного выше. Однако особенность Саянской станции еще и в принципиально ином конструктивном решении. По замыслу проектировщиков противостоять давлению воды будет тело плотины, выгнутое против течения Енисея. Колоссальный напор сдержат не только собственный вес сооружения, но и берега: они примут на себя почти половину нагрузки.

* * *

Двадцать восемь ленинградских заводов, институтов, учреждений, участвующих в сооружении Саяно-Шушенской ГЭС, заключили договор о творческом содружестве. Цель: воплотить в ГЭС все, что накоплено практикой мирового гидростроения, быстрее поставить ее на службу народному хозяйству. Тесное взаимодействие поможет аккумулировать множество межотраслевых вопросов, которые в одиночку решить нелегко, облегчит преодоление трудностей, обычно возникающих при ведомственной разобщенности партнеров.

Почему в Ленинграде родилась эта инициатива? 95 процентов проектных и исследовательских работ, связанных с созданием Саяно-Шушенской ГЭС, выполняют ленинградцы. Из Ленинграда должно быть доставлено три четверти всего оборудования. В городе Ленина накоплен и опыт по комплексному планированию. Планы экономического и социального развития предприятий, районов и города в целом, впервые разработанные и успешно осуществляемые ленинградцами, создали предпосылки для возникновения новой формы социалистического соревнования, какой является творческое содружество 28 коллективов. Комплексный подход к решению крупной народнохозяйственной задачи — основа действий участников содружества.

В чем же новизна подобного соревнования? Оно открывает простор для максимально эффективного приложения сил причастных к сооружению станции коллективов, подчиненных различным министерствам и ведомствам; оно обеспечивает взаимную заинтересованность и ответственность партнеров за своевременное выполнение заказов саянского исполина.

Центральный Комитет КПСС одобрил инициативу двадцати восьми ленинградских предприятий и организаций по развитию социалистического соревнования за сокращение сроков и за высокое качество работ при строительстве станции. Сорок три предприятия Красноярского края последовали примеру ленинградцев. Высоко оценивает инициативу содружества опытнейший гидростроитель, главный инженер Красноярскгэсстроя, Герой

ВСТРЕЧА А. Н. КОСЫГИНА С У. К. КЕККОНЕНОМ

1 сентября в Светогорске состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Президентом Финляндской Республики У. К. Кекконеном.

В ходе беседы был обсужден широкий круг вопросов советско-финляндских отношений и рассмотрены возможности их дальнейшего развития на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года.

А. Н. Косыгин и У. К. Кекконен обменялись мнениями по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Беседа прошла в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Президент Финляндской Республики У. К. Кекконен приняли участие в церемонии пуска первой очереди и закладки второй очереди Светогорского целлюлозно-бумажного комбината, в реконструкции и расширении которого участвуют финские фирмы.

Во время осмотра комбината.

Телефото А. Конькова и С. Смольского (ТАСС).

Социалистического Труда Евгений Андреевич Долгинин.

Для обеспечения четкого взаимодействия участников творческого содружества, для оперативного решения технических и организационных вопросов создан координационный совет. Председателем координационного совета избран директор Ленинградского отделения Всесоюзного института «Гидропроект» Юрий Александрович Григорьев. У Дивных гор он сооружал Красноярскую ГЭС, возглавляя тогда группу специалистов института.

Мы встретились с ним в «Ленгидропроекте». Было утро, а в Красноярске — уже за полдень. Григорьев прикрыл ладонью телефонную трубку: «Извините, на проводе Саяны». Пока он разговаривал с сибиряками, мы листали фирменный проспект «Ленгидропроекта». На развороте — миниатюрные рисунки всех гидроэлектростанций, возведенных на многочисленных реках страны по проектам этого института. Их пятьдесят девять, начиная от первенца электрификации — Волховской ГЭС. Но самый большой вклад ленинградцев в развитие гидроэнергетики связан с Сибирью: Братская, Иркутская, Усть-Илимская, Красноярская... И вот теперь Саяно-Шушенская!

...Звонил Владимир Юрьевич Оржанский — главный специалист отдела рабочего проектирования. В Саянах не за горами большое событие: в октябре перекроют русло Енисея. На счету каждая минута. «Полномочные представители» на объекте держат с Ленинградом, со штабом Юрия Александровича постоянную связь, советуются.

Но перекрытие реки — только один из этапов на пути к главной цели: досрочному пуску первых агрегатов. Ленинградцы вместе с красноярскими строителями разработали оригинальную пусковую схему станции, по которой уже в 1978 году — на два года ранее прежнего расчетного варианта — два первых энергоблока начнут вырабатывать энергию. Такой поэтапный ввод ГЭС в строй обеспечит экономический эффект, исчисляемый десятками миллионов рублей. Практика поэтапного пуска станций не нова. Новизна в другом: при какой степени готовности плотины это происходит?

— Если первые машины на Красноярской ГЭС стали вырабатывать энергию при готовности бетонных сооружений примерно на восемьдесят пять процентов, то в Саянах,— поясняет Юрий Григорьев, — два первых агрегата начнут «трудиться» на десятую пятилетку еще при пониженных напорах воды, когда строительно-монтажные работы по гидроузлу будут выполнены только наполовину. Едва профиль плотины вырисуется на одну четверть будущей высоты, как Енисей даст энергопитание и самой стройке и соседнему промышленному комплексу. Это позволит сберечь более сорока миллионов рублей. По мере того, как будет расти плотина, а водохранилище постепенно наполняться, будет расти и количество агрегатов ГЭС. В 1982 году Саяно-Шушенская ГЭС заработает на полную мощь!..

Вот что рассказывает об агрегатах, которыми будет оснащена ГЭС на Енисее, главный конструктор гидротурбин объединения «Ленинградский Металлический завод», Герой Социалистического Труда Глеб Степанович Щеголев:

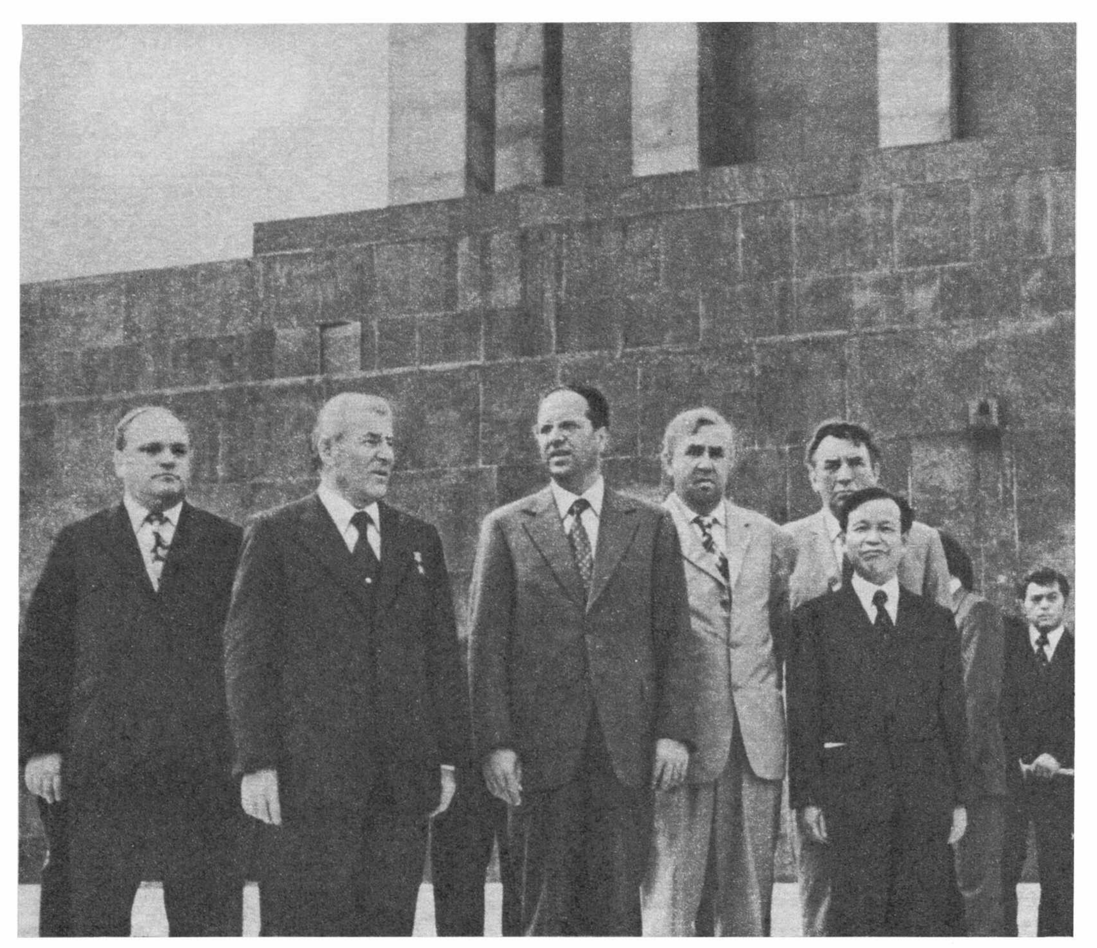
— Наши ученые, инженеры сумели повысить коэффициент полезного действия саянских турбин почти на два процента по сравнению с красноярскими машинами. Иными словами: удалось получить «задаром» в каждом агрегате по две волховских гидростанции! К тому же новые турбины будут компактнее и совершеннее красноярских. Чтобы пустить первые два агрегата досрочно, в 1978 году, нужны сменные рабочие колеса, способные привести в действие генераторы при достижении напора воды всего в шестьдесят — семьдесят метров, — продолжает Глеб Степанович. — В содружестве с исследователями и проектировщиками нам удалось создать хорошие макеты сменных рабочих колес. Они полностью вписываются в штатную проточную часть будущей турбины, и их демонтаж не займет много времени. Это произойдет позже. Когда напор воды возрастет и войдут в эксплуатацию очередные машины, сменные закончат свою вахту и передадут эстафету штатным колесам.

— Ваше мнение о договоре двадцати восьми?

— Единым обязательством все связаны! Общая цель получает глубокую моральную поддержку. У нас появилась возможность сделать рабочие чертежи не в будущем году, как планировалось, а уже в конце нынешнего. Многие новаторские разработки потребуют более тесного контакта нашего объединения с «Ленгидропроектом», со специалистами других институтов. Договор 28 такую стыковку гарантирует.

Новизна научно-технических решений, — говорит Глеб Степанович,— с полным основанием дает Саяно-Шушенской ГЭС право носить титул уникального сооружения. Работа на-

ТОРЖЕСТВА В ХАНОЕ

Члены советской партийно-правительственной делегации у Мавзолея Хо Ши Мина.
Фото В. Егорова (ТАСС).

2 сентября — большой праздник вьетнамского народа — тридцать лет со дня провозглашения Демократической Республики Вьетнам.

На торжества в Ханой по приглашению ЦК ПТВ, Национального собрания и правительства ДРВ прибыла советская партийно-правительственная делегация, возглавляемая кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцевым.

28 августа советская партийно-правительственная делегация встретилась с Первым секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуаном, членом Политбюро ЦК ПТВ, председателем Постоянного комитета Национального собрания ДРВ Чыонг Тинем, премьер-министром правительства ДРВ Фам Ван Донгом.

В ходе сердечной беседы глава советской делегации М. С. Соломенцев передал текст приветствия Центральному Комитету ПТВ, Постоянному комитету Национального собрания ДРВ и правительственному совету ДРВ от товарищей Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного и А. Н. Косыгина в связи с 30-й годовщиной ДРВ.

29 августа в Ханое, в здании Национального собрания ДРВ, состоялась торжественная церемония, посвященная открытию Мавзолея Хо Ши Мина.

С речью на собрании выступили товарищ Ле Зуан и глава советской партийно-правительственной делегации М. С. Соломенцев.

Затем вьетнамские руководители и члены советской делегации посетили Мавзолей Хо Ши Мина и возложили венки.

29 августа в Ханое состоялось торжественное вручение Обществу вьетнамо-советской дружбы ордена Дружбы народов, которым оно было награждено Президиумом Верховного Совета СССР за успешную и плодотворную деятельность по укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами ДРВ и СССР.

В тот же день состоялась встреча советской партийно-правительственной делегации с делегацией Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам во главе с членом Политбюро ЦК ПТВ, секретарем южновьетнамского бюро ПТВ Фам Хунгом.

Советская партийно-правительственная делегация совершила поездку в провинцию Куангнинь.

В городе Камфа, на заводе по ремонту горношахтного оборудования, состоялся многолюдный митинг.

ша проходит под девизом: минимум затрат и максимум эффективности! Надежность и долговечность, высокий уровень технической эстетики сооружений!..

Намеченная программа действий успешно выполняется. Труженикам объединения «Электросила» впервые в мировой практике предстоит создать гидрогенератор мощностью шестьсот сорок тысяч киловатт с эффективной системой возбуждения, что позволяет без увеличения веса агрегата развивать его мощность до семисот тысяч киловатт. Раньше срока инженеры «Электросилы» в содружестве с учеными завершили разработку технического проекта. Ярким примером подлинного содружества служит и совместная работа сотрудников института «Ленгидропроект» и ученых Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники имени Веденеева над проблемой прочности бетона в сибирских условиях. Реализация предложений специалистов сэкономит двадцать миллионов рублей.

* * *

Набирает темпы и сама стройка. Сейчас главный фронт работ проходит в правобережном котловане, где поднимаются секции водосливной части плотины. Осенью строители сомкнут берега, направят водный поток через донные отверстия в рукотворное русло и перейдут в левобережный котлован, чтобы сооружать другую часть плотины со зданием ГЭС.

Далеко окрест видны на скале многометровые слова: «Мы покорим тебя, Енисей!» За право участвовать в перекрытии реки соревнуются все бригады, экипажи пятисот машин и механизмов. Для победителей учреждены специальные кубки с портретами знатных строителей. Плотники-бетонщики, например, борются за приз имени своего товарища — Героя Социалистического Труда, старшего прораба Михаила Яковлевича Лесникова. Экскаваторщики, бульдозеристы, крановщики — за приз имени Героя Социалистического Труда Александра Григорьевича Маршалова. А герои тут же, рядом, на виду у всего коллектива. У многих за плечами опыт строительства Красноярской ГЭС и других гидростанций. Но стройка растет, набирает силу, и людей ей требуется все больше и больше. Новое пополнение — вопрос вопросов! Не пожалеет тот, кто приедет на Енисей. Здесь все есть для осуществления большой мечты. Суров, но прекрасен этот край! И есть возможность проявить себя в ответственном деле.

Недавно посланцы Ленинграда побывали на берегу Енисея. Надо было продумать с сибиряками совместную программу действий. Одному из нас тоже довелось побывать в Саянах. Ленинградцы еще раз уточнили задачи участников творческого содружества. Решено чаще — ежеквартально — подводить итоги соревнования с вручением победителям вымпелов, учрежденных Ленинградским обкомом и Красноярским крайкомом КПСС. Учтены и пожелания строителей: координационный совет разработает график, предусматривающий, кто, что, в какие сроки должен еще сделать для стройки.

На очередном заседании координационного совета рассмотрено выполнение договора творческого содружества. Электросиловцы намерены досрочно, в честь XXV съезда партии, выполнить рабочие чертежи первоочередных узлов генераторов. Рабочие Ижорского завода имени Жданова нашли возможным изготовить на полгода раньше валки, необходимые металлургам «Красного выборжца», для производства медных профилей, идущих на обмотку роторов. Турбостроители объединения «Ленинградский Металлический завод» сдадут техническую документацию основных узлов турбины на месяц раньше запланированного. Правда, на некоторых заводах придется обновить станочный парк. Только на одной «Электросиле» надо бы изготовить свыше двух тысяч единиц новой оснастки и приспособлений. Технологи нашли возможным выполнить и эту трудоемкую работу с опережением на четыре месяца. А генеральный директор станкостроительного объединения имени Свердлова Я. М. Кашуров сказал: «Станкостроители пересмотрели свои обязательства поставок «Электросиле». Например, роторно-фрезерный станок для обработки деталей и узлов повышенной сложности изготовим в будущем году».

Появились и новые партнеры участников договора 28: еще тринадцать! В числе их — специалисты из Ленинградского художественного фонда РСФСР и филиала ВНИИ технической эстетики. Архитекторы и художники хотят вписать Саяно-Шушенскую в енисейские берега, не нарушая, а подчеркивая сказочную красоту окружающей природы.

Содружество крепнет, набирает силу, размах социалистического соревнования за достойную встречу XXV съезда КПСС ширится. Ленинской мечте — сбыться.

ПОХОРОНЫ Л. А. ФОТИЕВОЙ

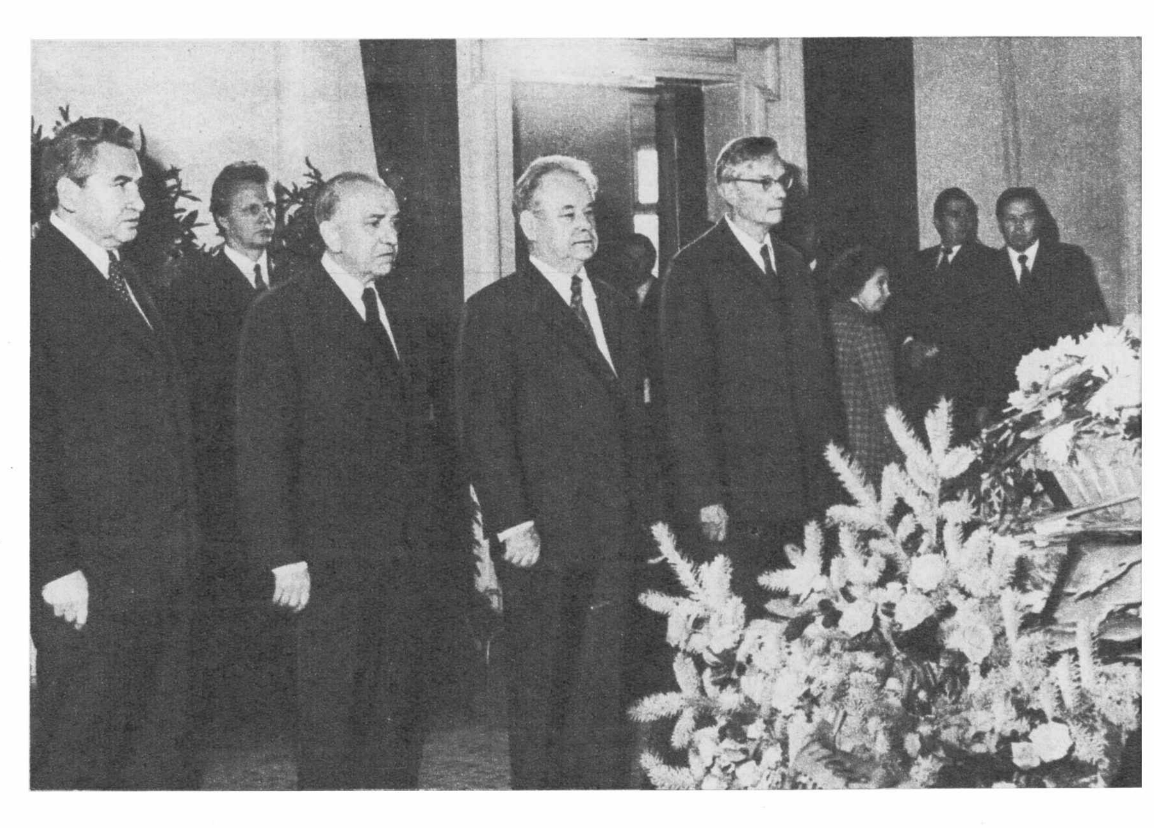
25 августа 1975 года на 94-м году жизни скончалась одна из старейших участниц революционного движения в России, член КПСС с 1904 года, Герой Социалистического Труда Лидия Александровна Фотиева. Ушла из жизни верная дочь ленинской гвардии коммунистов, отдавшая всю свою жизнь верному служению Родине, великому делу строительства коммунизма.

29 августа Москва проводила в последний путь Лидию Александровну Фотиеву.

Гроб с телом покойной был установлен в конференц-зале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Проститься с Л. А. Фотиевой пришли тысячи и тысячи людей.

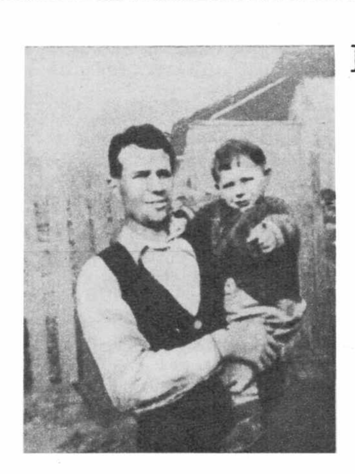
В зале звучат траурные мелодии. В почетном карауле — товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов.

Траурный митинг и похороны Л. А. Фотиевой состоялись на Новодевичьем кладбище.

В почетном карауле у гроба Л. А. Фотиевой.

Фото А. Конькова (ТАСС)

1

2

3

4

М. ДЕКАЛО

ИСТОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ФОТОГРАФИЙ

9 СЕНТЯБРЯ — 31-Я ГОДОВЩИНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

Начну с рассказа об одном необычном собрании нашей первичной партийной организации в доме № 292 Ленинского района города Софии. Необычном, потому что проходило оно на улице, у скромного памятника, что стоит недалеко от революционного села Стольник, приютившегося в отрогах гор Стара-Планина. Памятник этот воздвигнут в честь Димитра Николова Бочукова́ — партизана Николая, из села Антон, Пирдопского округа. Он был пулеметчиком первой софийской народно-освободительной бригады и погиб 20 июня 1944 года.

В повестке дня собрания стоял только один вопрос — прием в члены Болгарской коммунистической партии Николая Димитрова Бочукова, сына партизана.

Не помню другого собрания, которое так взволновало бы меня, как это. Присутствующие говорили много добрых слов о Николае. Когда стали голосовать, кто «за», все, как один, подняли руки.

После собрания друзья и родные Николая собрались у него в доме, чтобы отметить такое важное событие. И он показал нам несколько пожелтевших от времени фотографий.

ФОТОГРАФИЯ ПЕРВАЯ

Отец держит на руках Николая, сыну всего год. Это последняя фотография коммуниста Димитра Бочукова.

Шла весна 1944 года. Пламя сопротивления ненавистным поработителям разгоралось все сильнее. Димитр Бочуков получил повестку — немедленно явиться в казарму. Он ни минуты не колебался: «Фашисты объявили мобилизацию, но и партия мобилизует свои силы. Я солдат партии». И он ушел в горы, к партизанам.

Его жена Величка хотела отправиться вместе с ним.

— Нет, — возразил Димитр. — Тебе надо остаться дома, чтобы позаботиться о сыне.

Димитр стал партизаном легендарного отряда Славчо Трынского.

ФОТОГРАФИЯ ВТОРАЯ

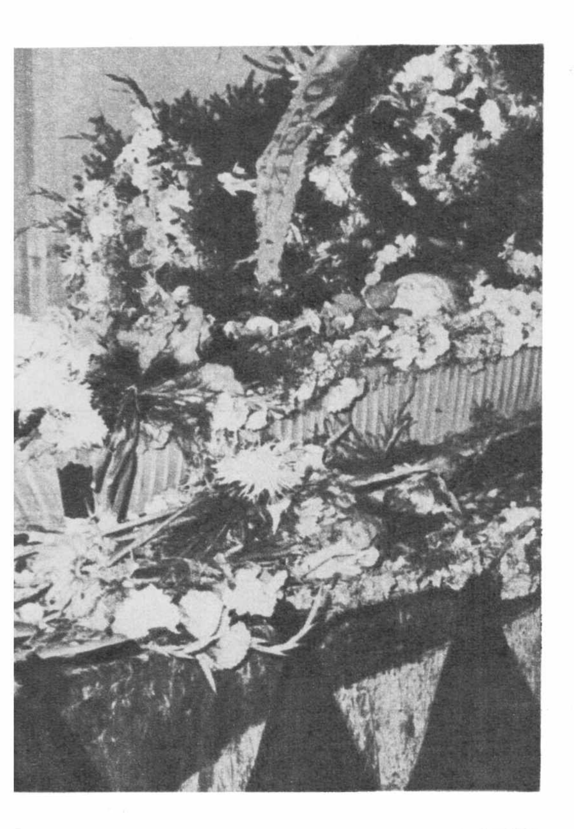
Она сделана осенью сорок четвертого. На снимке — товарищ Димитра Димо Ташков, Величка и маленький Николай на софийской улице. Раньше она называлась улица Марии-Луизы, теперь носит имя Георгия Димитрова. Солнце свободы взошло над Болгарией. Спустились с Балкан партизаны. По Софии с грохотом двигались танки «братушек». Весь их путь был усыпан цветами. Жители встречали советских воинов как самых близких своих людей.

Димитр не числился в списках ни живых, ни мертвых. Величка объездила все партизанские штабы, расспрашивала о своем муже. В конце концов узнала, что пулеметчик Димитр с товарищем прикрывали отход партизан, когда отряд был окружен жандармами у моста на реке Рила. Они спаслись, но через неделю в нескольких километрах от села, где жил Димитр, оба попали в засаду. Димитр был убит.

Николаю казалось, что он, как и отец его, партизан. Он гордо шел рядом с матерью и дядей Димо, прикрепившим к его шапке партизанский значок.

ФОТОГРАФИЯ ТРЕТЬЯ

Вот как появился этот снимок. Мальчик гулял с матерью по Софии. В этом городе прошли самые счастливые и самые тяжелые

дни Велички. Из-за голода и нищеты они с Димитром вынуждены были покинуть свое родное село и переселиться сюда. Стали работать на текстильной фабрике, вступили в ряды коммунистической партии.

Здесь, у них в квартире, расположенной как раз напротив полицейского участка, скрывалась подпольная радиостанция.

— Посмотрите, какой герой этот маленький партизан...

Слова, сказанные по-русски, вывели Величку из задумчивости. Она подняла глаза и увидела трех советских воинов. Один из них — высокий, широкоплечий офицер. Он поднял на руки Николая. Вынул из кармана гимнастерки пятиконечную звезду, прикрепил ее к шапке мальчика. И «братушки» сфотографировались вместе с ним.

Эти три снимка Николай хранит как самые дорогие реликвии.

ФОТОГРАФИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Сын у памятника отцу. Наверху слова: «Павшие за свободу не умирают».

Народная власть позаботилась о семье партизана. Николая устроили в детский сад, Величка поступила на работу. Николай вырос, окончил Высший экономический институт имени Карла Маркса.

Сейчас он работает, очень любит свою профессию.

Он часто бывает в Советской стране. И куда бы ни приехал — в Москву или Ленинград, Киев или Ташкент, — всюду внимательно всматривается в лица прохожих, стараясь узнать среди них «братушек» со старой фотографии.

— Как бы мне хотелось найти их, встретиться с ними, если они живы! — говорит Николай. — Я бы пригласил их к нам в гости. Представьте себе — встреча через столько лет!

Агентство София Пресс, специально для «Огонька»

ЧТО ОБЕЗВРЕДИТ БОМБУ

Дмитрий ВОЛЬСКИЙ

В ходе августовской поездки на Ближний Восток государственного секретаря США Г. Киссинджера и подготовки соглашения о новом отводе израильских войск с части Синайского полуострова было сделано немало многообещающих заявлений. Готовившееся соглашение называли «краеугольным камнем ближневосточного мира», утверждали, что «его осуществление будет равносильно обезвреживанию бомбы на Ближнем Востоке».

Между тем в арабском мире очередной «поэтапный шаг» встречен, мягко говоря, неоднозначно. Многие политики и органы печати критикуют его в весьма резких выражениях. Что же касается правящих кругов Израиля, то там новый раунд «челночной дипломатии» также вызвал бурные дебаты, но дебаты не о том, как лучше обеспечить подлинный мир на Ближнем Востоке, а совсем на другую тему: выгодно или не выгодно соглашение с Каиром с точки зрения аннексионистских устремлений Тель-Авива, поможет ли оно обеспечить «военный перевес» Израиля над арабскими государствами и расколоть их ряды?

Еще больше настораживает, что Израиль в качестве платы за согласие на новое разъединение войск добился обещаний дополнительных поставок американского оружия и военного снаряжения — «с сотен миллионов до миллиардов долларов», по утверждению агентства ЮПИ. Тель-Авив и его покровители меньше всего стремятся к тому, чтобы «частичные меры», «поэтапные шаги» принесли мир на Ближний Восток. Премьер Рабин, министр обороны Перес и другие руководители государства неоднократно давали в последнее время понять: независимо от того, чем закончится новый этап «челночной дипломатии», они будут вести дело к аннексии Голанских высот, к сохранению израильского «военного присутствия» на западном берегу реки Иордан; они по-прежнему и слышать не хотят об удовлетворении законных прав арабского народа Палестины, отказываются признать, в частности, само его существование.

Что все это может означать на практике? Только одно — сохранение причин, уже не раз вызывавших военные вспышки на Ближнем Востоке и чреватых, несомненно, еще более разрушительными вооруженными столкновениями.

Что же касается ставки на разобщение арабских государств — а именно такого рода расчеты преобладают, судя по заявлениям правительства Рабина, в его подходе к соглашению относительно Синая, — то здесь уместно вспомнить опыт недавнего прошлого. Опыт этот ясно свидетельствует по меньшей мере о двух обстоятельствах. Во-первых, как ни старались израильские милитаристы и их покровители спекулировать на межарабских разногласиях, в критические моменты тенденция к единению сил арабов всегда брала верх. Пример тому — октябрь 1973 года, когда войска самых разных арабских государств сражались бок о бок против израильской армии. И сейчас мы видим, что даже столь различные по социально-политическому устройству государства, как Сирия и Иордания, вместе с Организацией освобождения Палестины предпринимают практические шаги к тесной координации своих действий. Арабская общественность приветствует эти шаги, «наносящие, — по словам марокканской газеты «Аль-Баян», — ощутимый удар американо-израильским попыткам усилить противоречия внутри арабского мира».

На Западе насаждаются представления, будто не менее «одного-двух» поколений израильтян и арабов обречены жить в состоянии «перманентного противоборства». И это в наше-то время, когда на все новые районы мира распространяется разрядка напряженности, когда впечатляющий успех общеевропейского совещания высших руководителей 35 стран в Хельсинки оказывает оздоровляющее воздействие на международную обстановку. Тем более, что и в других районах мира развиваются позитивные политические процессы: на месте опаснейшего очага войны в Юго-Восточной Азии начинают складываться системы нормальных межгосударственных отношений; в Латинской Америке устраняется такой обострявший напряженность фактор, как блокада социалистической Кубы.

Повсюду в той или иной форме происходят сейчас аналогичные процессы. И сама жизнь требует, чтобы они охватили столь важный район мира, как Ближний Восток. Это очень важно и с точки зрения упрочения всеобщей безопасности и, конечно, для миллионов людей в самих ближневосточных странах. Они должны получить возможность воспользоваться плодами международной разрядки, которые уже сейчас начинают приносить практическую пользу многим народам.

Но этого нельзя добиться, пока Израиль не отказался от захватнической политики, пока пытается подменить «частичными мерами» ликвидацию коренных причин ближневосточного конфликта, помешать его кардинальному урегулированию. А по-настоящему прочное урегулирование может быть основано лишь на выводе израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий; уважении законных прав арабского народа Палестины, включая создание им собственной государственности; обеспечении возможности всем народам и государствам Ближнего Востока жить в мире и безопасности. Для решения этих проблем еще в 1973 году был создан политический механизм — Женевская мирная конференция; за скорейшее возобновление ее работы — разумеется, после соответствующей подготовки — выступают сейчас поборники мира.

Если бы такому развитию событий способствовали «промежуточные соглашения» и «поэтапные шаги», то лишь в этом случае они могли бы помочь обезвредить ближневосточную бомбу.

твои герои, пятилетка

ПРИЗВАНИЕ ТЛЕНЧИ

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.

Два дня добирался Тленчи до города. На быках. Сквозь заросшую колючкой степь, по песчаным холмам целинного Казахстана. Позади остался родной аул, и озеро Биликуль, и речка Аса. Это сейчас, тридцать лет спустя, автомобиль преодолевает расстояние до Джамбула всего за час.

Так первый раз в жизни семнадцатилетний Тленчи Аппаев приехал в город. Здесь впервые увидел паровоз, который поразил его своими размерами и мощью. «Неужели я научусь разбираться в механизмах этой громадины!» — думал юноша. В кармане его брюк из овечьей кожи лежало направление в железнодорожное училище, выданное сельским Советом. Шел 1945 год, первый год восстановления разрушенного войною народного хозяйства.

Тленчи принялся за учебу. Практику проходили в депо. По душе пришлась будущая работа парнишке. Иначе не задерживался бы он в депо допоздна. Ему повезло в жизни: Тленчи еще практикантом понял, что стоит на верном пути. Когда человек в юности находит свое призвание, то отдает любимому делу весь жар души. А учиться было нелегко. Старательного, аккуратного паренька приметил в депо кадровый рабочий Иван Антонович Чеканов. «По всему видать, — говорил он руководителю практики, — классный рабочий из Тленчи получится. Трудяга он. И хватка есть, и целеустремленность, и оптимизм. Человек он жизнерадостный, добрый, старших уважает».

И оставили Тленчи после двух лет учения в бригаде Чеканова, который стал первым наставником, а потом и другом молодого рабочего.

По случаю окончания училища младшая сестра, Закира, прислала Тленчи пузатый бурдюк, полный кумыса. И письмо: «Когда я узнала, что ты закончил учебу, то не смогла удержать слез. Бедные наши родители, они не дожили до этого дня. И старший брат Тлеш, который не вернулся с войны. Как бы порадовались они твоему успеху...» От письма и посылки повеяло запахом степи, домашним теплом. Вспомнилась мать Аимбала, которую похоронили в тяжелом сорок втором, отец Аппай, умерший перед войной.

Герой Социалистического Труда Тленчи Аппаевич Аппаев.

Наставник не ошибся: у Тленчи действительно оказалась завидная хватка. Работая подручным у Ивана Антоновича, он живо воспринимал все тонкости слесарного дела. Присвоенный ему пятый разряд, а всего их тогда было восемь, свидетельствовал, что молодой рабочий хорошо справлялся со своим делом. Отслужив в Советской Армии, парень вернулся в депо, к Чеканову.

В 1958 году сюда поступили первые тепловозы. И снова учеба, на курсах. Приходилось все осваивать заново. Вскоре Тленчи стал уже слесарем-дизелистом. «Дизелист» было слово новое, его произносили с гордостью. Молодой рабочий настолько преуспел в познании устройства и работы тепловоза, что вскоре его назначили старшим слесарем.

По сей день Тленчи Аппаевич Аппаев занимается периодическим ремонтом. Есть правило: прошел тепловоз сто тысяч километров — и его отправляют на большой периодический ремонт. И тут ремонтникам нужно укладываться в жесткие сроки. А это зависит прежде всего от слесарей. И если раньше, в 1959 году, бригада, в которой работал Тленчи, ремонтировала один тепловоз за двадцать дней, то теперь на такой же ремонт уходит всего четыре с половиной дня. Девятнадцать лет возглавляет Аппаев бригаду. Свой план коллектив выполняет на 160—170 процентов. И вот уже много лет бригада неизменно занимает первое место по итогам социалистического соревнования.

У Тленчи Аппаевича два сына и две дочери. Младший, Абылда, учится в 10-м классе вечерней школы и тоже работает слесарем в депо. Старший, Акимжан, ему 18 лет, работал оператором на железной дороге, сейчас служит в рядах Советской Армии.

...В январе минувшего года вбежал Акимжан в депо и обнял худощавого человека в замасленной спецовке, своего отца:

— Папа, ты стал Героем Социалистического Труда! С утра мне звонят в контору знакомые, просят поздравить тебя. Поздравляю!

Тленчи, сдерживая волнение, вытирал измазанные мазутом руки. Вечером пришел поздравить своего ученика Иван Антонович Чеканов, старый и верный друг. В местной газете «Знамя труда» прочитал он Указ о награждении Тленчи и порадовался, как за родного сына.

Сто картин из нью-йоркского художественного музея США «Метрополитен» экспонируются в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. В течение двух месяцев эта выставка была развернута в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже.

На открытии выставки присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, заместитель министра культуры СССР В. И. Попов. Посол США в СССР У. Стессел огласил послание президента Соединенных Штатов Джеральда Р. Форда, обращенное к советским посетителям выставки, в котором подчеркивается важное значение культурных связей, способствующих взаимопониманию между народами.

В эти дни в США проводится выставка картин из коллекций Эрмитажа и Государственного Русского музея. Обмен произведениями искусства стал крупным событием в культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

На снимке: директор Музея «Метрополитен» Томас Ховинг на открытии выставки.

Фото В. Боруцкого и И. Соловьева.

«Огонек» на БАМе

Л. МОНЧИНСКИЙ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото В. Калаянова и автора.

ЗАВТ

Итак, «магистраль века» перешагнула великую сибирскую реку Лену. Стальные пролеты 417-метрового сооружения связали крутые берега своенравной реки. Это большая победа строителей БАМа.

— Сварная конструкция всех элементов, применение специальных сталей гарантируют надежность моста, — говорит главный инженер Мостотреста № 9 В. И. Шмид.

Вместе со строителями у старинного села Якурима работали и ученые. О результатах их труда говорит хотя бы такой факт: выход моста на другой берег реки имел отклонение от оси лишь в один миллиметр! На строительстве Ленского моста «пали» многие рекорды. Особенно отличились монтажники. Вот что сказал прославленный бригадир Герой Социалистического Труда Н. Ф. Иванов:

— По опыту знаю, когда за дело берутся единомышленники, успех гарантирован. Нас объединяла большая цель, поставленная перед коллективом, а разумная организация социалистического соревнования обеспечила высокую производительность труда. Организация монтажа была выверена по часам и минутам. Каждый день на стендах появлялись показатели выполнения плана, данные об отставании от графика или его опережения и даже заработной плате. Когда одна из панелей была смонтирована всего за сутки, строители поздравляли друг друга с успехом. Но через несколько дней смена звеньевого Александра Фефелова сбросила с этого достижения целый час. Потом отличилось звено Николая Юдина. Темп работ стремительно возрастал. И вдруг небо закрыли тяжелые грозовые тучи. Монтажники знают, как трудно работать на скользких конструкциях, в набухшей от воды робе.

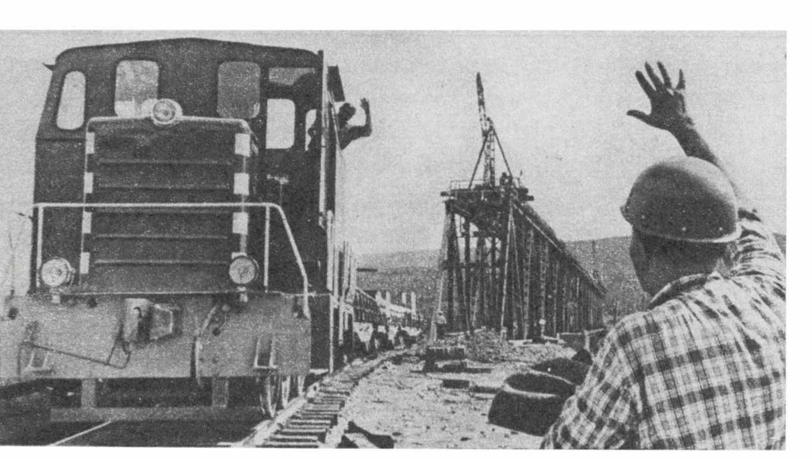
«В бой идут одни старики», — шутили в тот день. Только самые опытные мастера начали работу по монтажу очередной панели. Их спокойствие, согласованность в действиях были примером для молодых: через день рядом с ветеранами стали комсомольцы. Монтаж четырнадцатой панели шел под проливным дождем. И понадобилось на это всего двадцать часов.

Я видел, как в эти горячие дни работали комсомолец из Риги Минцас Илганис, тбилисец Джамал Азаев, студентка Томского инженерно-строительного института Ольга Мачульская и другие парни и девчата, объединенные чувством ответственности за порученное дело.

После окончания работ на мосту не было торжественных выступлений. Строители заканчивали смену так, будто кончился обычный трудовой день. Дело сделано. Завтра идти дальше.

Монтажник Валерий Иржайкин.

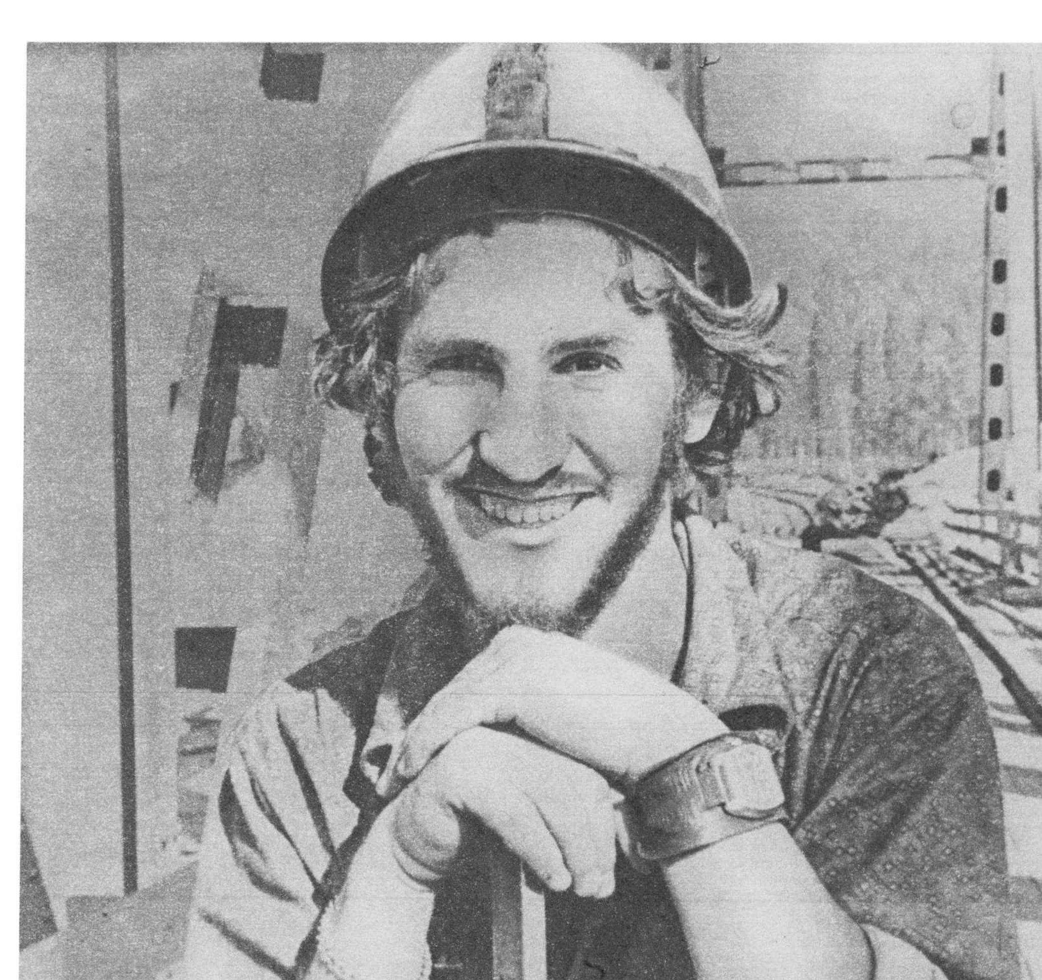
РА ИДТИ ДАЛЬШЕ

Мост сдан!

Мост через Лену — первый в трудовой жизни Ольги Мачульской и Виктора Асманова.

Минцас Илганис, комсомолец из Риги.

Александр ШИЛОВ

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ

С тех пор, как в искусстве появился и стал самостоятельно развиваться жанр портрета, художники и исследователи их творчества не перестают размышлять о том, каким должно быть изображение человека. В XX веке даже такая бесспорная истина, как сходство с портретируемым, на Западе стала подвергаться сомнению. Лично мне ближе заветы старых мастеров, утверждавших, что в истинно художественном произведении «схвачено не одно лишь внешнее сходство, но вся душа оригинала». Думается, что именно человек наших дней — творец и мыслитель, со своим характером, душой, «лица необщим выраженьем», написанный реалистично, должен быть героем наших полотен.

Мне посчастливилось работать над портретами летчиков-космонавтов, героев, чья жизнь и деятельность — каждодневный подвиг. Писать людей «неземной» профессии, которых знает весь мир,— задача почетная и ответственная. Но, пожалуй, самыми незабываемыми, волнующими были первые дни в Звездном городке, работа над портретом дважды Героя Советского Союза В. А. Шаталова.

Космонавты и на земле работают с большими перегрузками. Владимир Александрович, несмотря на занятость, только в выходные дни находил возможность для позирования, но отдавал этому столько времени, сколько надо было для портрета. Думаю, что здесь сказались и уважение к занятиям другого человека, характерное для настоящего труженика, и особая любовь В. А. Шаталова к изобразительному искусству, глубокое знание живописи, особенно русской реалистической школы.

Через внешнее сходство мне хотелось передать внутреннее состояние этого человека: его волю, целеустремленность, глубокий ум, преданность делу, которому он служит. Портрет В. А. Шаталова был для меня серьезнейшим экзаменом. В Звездном городке до этого космонавтов писал яркий, самобытный художник академик Александр Иванович Лактионов. Было страшно приниматься за дело после его известных произведений, популярных у зрителей. А я был тогда еще студентом 4-го курса, которому разрешили экстерном, раньше срока, защитить диплом. Работа над портретом не освобождала меня от институтских занятий и подготовки к защите. Приходилось заниматься по ночам, а спать в электричке, по дороге из городка космонавтов в Москву.

Школа Александра Ивановича Лактионова, его советы, наставления, опыт, которым он со мной щедро делился, помогли выдержать ответственное испытание. Затем я писал портреты В. В. Николаевой-Терешковой, Г. Т. Берегового, А. Г. Николаева, А. С. Елисеева, Б. В. Волынова.

Пользуясь фотоматериалами, воспоминаниями родных и друзей Ю. А. Гагарина, я попытался воссоздать облик легендарного героя космоса. Пересмотрел около тысячи документальных снимков, почти все, что зафиксировали кадры кинохроники. Вместе с его коллегами и товарищами мы обсудили будущую картину, выбрали позу, наиболее характерную для Юрия Алексеевича. Для меня было огромной радостью, когда Валентина Ивановна, жена Ю. А. Гагарина, посмотрев законченную работу, написала на обороте холста: «Портретом очень довольна!» На Всесоюзной выставке, посвященной 50-летию образования СССР, экспонировались портреты Ю. А. Гагарина и В. А. Шаталова.

До поступления в Художественный институт имени В. И. Сурикова, после школы я шесть лет работал грузчиком. Но каждый день после смены обязательно занимался живописью. Моим самым первым педагогом еще во Дворце пионеров был заслуженный учитель РСФСР В. А. Воронин. Он по-отечески внимательно и сердечно относился к своим ученикам, стремился выявить и развить то, что было свойственно каждому из нас, не ломая индивидуальных наклонностей, не навязывая то, что нам было чуждо. Он и представил меня, тогда еще только мечтавшего о настоящем, большом искусстве, А. И. Лактионову. Это было десять лет назад. Конечно, я робел перед знаменитым мастером, когда нес ему на суд свои работы. Александр Иванович отнесся к ним благосклонно, но сказал, что нужна серьезная школа и прежде всего совершенное владение рисунком. Несмотря на то, что он очень много работал, предложил приходить к нему, показывать этюды. Милый, добрый, общительный, человек этот всегда был искренен и справедлив в оценках, душой никогда не кривил. Если нравилось, не жалел похвал. Не устраивало что-то — был суров, ругал, не боясь обидеть. Сам он отличался удивительной работоспособностью — иногда писал часов до трех ночи и от меня требовал такого же упорства. Лактионов часто повторял, что если нет мастерства, то, какие бы у художника ни были прекрасные намерения, какая бы ни была светлая голова, хорошая картина не получится.

Однажды он подарил мне набор пастелей — 220 оттенков — и сказал: «Попробуй, Саша, ими работать». Известно, что Лактионов увлекался пастельной техникой, даже разработал особые методы подготовки грунта и написал об этом несколько статей. Он с таким совершенством сделал повторение знаменитой «Шоколадницы» Лиотара, что даже крупные специалисты не сразу смогли отличить копию от оригинала.

Тонкие и хрупкие цветные мелки трудны в работе, требуют хорошего владения рисунком, но зато благодатны для передачи сложной гаммы чувств, богатейшего духовного мира человека. Когда я писал портрет народной артистки СССР Нины Владимировны Тимофеевой, мне казалось, что именно эта техника поможет лучше всего выразить порыв, темперамент, незаурядные способности балерины.

Александр Иванович Лактионов познакомил меня и с народным художником СССР Владимиром Александровичем Серовым. Почти год, еще до института, я занимался в его мастерской, делал копии с античных слепков. Серов поправлял мои рисунки, а иногда просил позировать ему для картины. Такое непосредственное общение с крупным живописцем, наблюдение за тем, как он работает, обогащало, приоткрывало тайны мастерства.

До сих пор мне очень помогают консультации членов Академии художеств СССР Алексея Михайловича Грицая и Бориса Валентиновича Щербакова. Тонкие, трепетные, очень лиричные пейзажи Грицая, материальная, яркая живопись Щербакова, опыт, знания этих мастеров, которыми они охотно делятся, имеют для меня огромное значение.

Интересно и ответственно писать наших современников — и таких прославленных, как ученый-химик с мировым именем И. Л. Кнунянц, композитор А. И. Хачатурян, певица И. К. Архипова, над портретом которой я сейчас работаю. И девушку Олю из смоленской деревни Новая Буда с васильками в волосах цвета спелой ржи, и начинающего, пока еще неизвестного живописца. Этот портрет весной был показан на московской выставке молодых художников.

Некоторые мои сверстники увлекаются «новинками» Запада, давно уже знакомыми нам по двадцатым годам, когда в изобразительном искусстве пышно расцветали всяческие модернистские «измы». Конечно, порою, как мне кажется, проще наклеить на холст обрывки газетной бумаги, этикетку от консервной банки или закрасить полотно любой локальной краской и многозначительно назвать его либо «Ночь», либо «День».

Но я никогда не забуду заветы моих учителей А. И. Лактионова, В. А. Серова, В. А. Воронина, которые учили меня трудиться, работать и еще раз работать над натурой. Реализм в искусстве немыслим без серьезного труда, серьезной школы. Будущее за станковой реалистической живописью!

В СТОЛИЦЕ СВЕТА

Саранск, несомненно, город динамичный. Вторая половина XX века ворвалась в его жизнь современной техникой, передовыми отраслями промышленности. Теперь Саранск не только административный центр Мордовии, столицей света называют жители свой город. На каждой четвертой лампочке из всех, выпускаемых в нашей стране, стоит марка СЭЛЗ — Саранского электролампового завода. Здесь же, в городе, обосновался Всесоюзный научно-исследовательский институт источников света имени Лодыгина. В Мордовском университете есть факультет светотехники и источников света.

Этот электрический город запомнился городом поющим и танцующим.

Новый Дворец профсоюзов построен с размахом и вкусом поистине столичным. В балетном зале, как на ярмарочном гулянье, весело и тесно от парней и девчат в национальных костюмах из самодеятельного ансамбля «Литова». Начинается сводная репетиция танцевальной группы и хора, которым руководят дирижер Иван Иванович Игнатов, хормейстер Василий Иванович Четыркин и балетмейстер Любовь Калашникова.

Как в хорошей большой семье, здесь все гордятся друг другом. С теплотой и радостью были мне представлены многие самодеятельные артисты. «Вот староста»,— говорит балетмейстер, и к нам подходит хорошенькая смугляночка Люба Позднякова, ей 22 года, она экономист. Я спрашиваю у Любы, остается ли у нее свободное время. Она зарделась, а девчата наперебой затараторили: «У нее жених, он музыкант и ничуть не возражает против ансамбля, а наоборот».

— Да они все невесты,— улыбается балетмейстер Любовь Калашникова. Уж это точно, такие не ждут женихов: стройные, подтянутые, головки гордо подняты. Молодая пара — Катя и Саша Бармутины вместе ходили на репетиции, полюбили друг друга, поженились, родили дитя, а танцами занимаются по-прежнему.

В хоре заняты люди постарше: здесь все семейные; в воскресенье на репетицию приводят ребятишек; и те с удовольствием смотрят, какие же красивые и нарядные у них мамы...

Н. БУМАГИНА

А. Шипов. Род. 1943. ПОРТРЕТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА В. А. ШАТАЛОВА. 1972.

А. Шилов. ПОРТРЕТ ЛАУРЕАТА ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ АКАДЕМИКА И. Л. КНУНЯНЦА. 1974.

Сергей ВЛАСОВ

Слава обгоняет человека подобно звуку его шагов.

Ташмухамед Алиевич Сарымсаков.

Фото В. Сваричевского

ДАМЛА

Ташкент встретил раскаленными объятиями сорокаградусной жары. Пешеходы медлительны. Не слишком резвы и машины — словно они с трудом отдирают колеса от расплавленного асфальта.

Новое здание университета утопает в спасительной зелени деревьев.

Скоростной лифт мягко остановился на девятом этаже. Вот и кабинет ректора Сарымсакова. Огромная комната, огромный стол с двумя рядами кресел. Мебель из дорогого дерева. Паркетины заигрывают с солнцем, струящимся через огромные окна. Но здесь никого. Нас проводят в соседнюю комнату, которая обставлена гораздо скромнее и раза в три поменьше. Здесь обычно и встречает своих посетителей ректор.

— А что, Ташмухамед Алиевич, ваш кабинет вам не нравится? — спросил я Сарымсакова, когда мы сели в простые, но удобные кресла.

— Нравится, но здесь уютнее,— как бы извиняясь, ответил он.— А потом знаете, пришедший человек чувствует себя непривычно в той очень большой комнате, а хочется, чтобы ему было уютно, чтобы он чувствовал себя как дома.

На столе появляется ваза с виноградом и сливами.

— Угощайтесь...

На стене комнаты висит черная ученическая доска с мелом, задернутая ситцевыми шторами. Говорят, что Сарымсаков — единственный ректор университета, у которого в кабинете есть такая доска. А еще говорят, что ни у одного ректора не бывает в приемной так много студентов, сколько у Сарымсакова. Вот для них-то и висит в его кабинете ученическая доска. Юность нетерпелива — студенты, найдя ответ на трудный вопрос учителя, спешат поделиться с ним своей радостью. Но ведь не к каждому ректору решишься нагрянуть вот так, запросто. Надо быть уверенным, что тебя не выставят за дверь. Они уверены. Они знают, что здесь их встретят радушно и выслушают с искренним интересом. Бывает, что на этой доске разгораются целые битвы. Академик спорит со студентом? Да, спорит. И нередко соглашается с ним, не видя в этом ничего позорного.

— Для того ведь их и учим,— говорит Ташмухамед Алиевич,— чтоб было у кого учиться самим. И нет большей радости для меня, чем та, которую испытываешь, когда студенту удается то, что никак не получалось у меня.

Заметьте: это говорит математик, чьи работы знают на всех континентах земного шара...

— Так о чем же мы с вами сегодня будем говорить? — спрашивает Сарымсаков, улыбаясь.

— Давайте попробуем о самом важном. Точнее так — о том, что вы считаете самым важным в своей жизни.

— Ну что ж? Тогда о моей науке — математике.

— Ваша специальность в математике — теория вероятностей. Не могли бы вы сказать о ней несколько слов?

— С этой теорией связаны такие великие имена, как Паскаль, Бернулли, Лаплас, Чебышев, Ляпунов, Марков, Бернштейн, Хинчин, Колмогоров. А мы сегодня пытаемся продолжить их дело. Если в самых общих словах, то теория вероятностей занимается моделированием случайных явлений в природе и в обществе. Может быть, такое определение кому-то покажется скучным, но для меня нет ничего прекраснее моей любимой науки.

— И все же, как мне говорили, вы несколько лет назад изменили своей «возлюбленной» и увлеклись другой областью математики — функциональным анализом.

— Увлекся — не то слово. Точнее, обратился за помощью. Ведь функциональный анализ — одно из ведущих направлений современной математики, и я верил, что оно может обогатить теорию вероятностей. Так в конце концов и получилось. Моим коллегам и мне удалось найти новый (алгебраический) подход к построению этой теории.

Но Сарымсаков умолчал о том, что, занимаясь новым направлением, как бы между прочим, он собрал вокруг себя много талантливой молодежи и создал целую школу функционального анализа, хорошо известную теперь в нашей стране.

Не сказал он и о том, что за работы в новой области он вместе со своими коллегами М. Антоновским и В. Болтянским был удостоен республиканской премии имени Беруни, а сами работы переиздаются сегодня в США.

Ни словом не обмолвился Сарымсаков и о Государственной премии, которой он вместе с В. А. Бугаевым и В. А. Джорджио был награжден за цикл работ, позволивших с помощью теории вероятностей изучать погоду в Средней Азии.

Не рассказал и о том, что докторскую свою диссертацию он готовил в казарме в перерывах между дежурствами (во время войны он служил на военном аэродроме), а защищать ее пришел в солдатской шинели и обмотках, и едва кончилась защита, как он — теперь уже доктор математических наук — побежал обратно на аэродром, боясь опоздать на дежурство.

Не напомнил Сарымсаков и о своих наградах: о трех орденах Ленина, двух — Трудового Красного Знамени, об ордене «Знак Почета». Все больше говорил о своей кафедре, об университете, о своем учителе — академике В. И. Романовском.

Многого не сказал о себе Ташмухамед Алиевич, но за него это сделали другие. Ученики, коллеги, друзья...

О Сарымсакове в Узбекистане ходят легенды. Одна из них утверждает, что ему никак не меньше ста лет, иначе как можно успеть двенадцать лет быть министром высшего образования республики, почти десятилетие возглавлять республиканскую Академию наук, столько же быть ректором университета, многие годы руководить кафедрой теории вероятностей, а еще быть председателем республиканского Комитета солидарности стран Азии и Африки, членом ЦК Компартии Узбекистана, депутатом Верховного Совета республики и к тому же редактором научного журнала.

Когда десять лет назад отмечали пятидесятилетний юбилей Сарымсакова, пригласительные билеты пришлось перепечатывать дважды: в типографии решили, что человеку с такими титулами пятьдесят быть не может, что это недоразумение, и напечатали правильное, на свой взгляд, число — семьдесят.

Легендарной стала и образованность Сарымсакова. Рассказывают, что на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве к узбекской делегации подошел некий фанатичный мусульманин и, протягивая коран, сказал: «Вот вы из бывшей мусульманской республики. Кто из вас может прочесть эту книгу?» В делегации были и филологи и писатели, но все смущенно молчали. Тогда к мусульманину подошел Сарымсаков, взял у него коран, закрыл его и под взрыв одобрения прочел несколько сур наизусть.

Есть такое узбекское слово — дамла. В переводе оно означает учитель. Но не просто учитель. Наставник, духовный отец, пример для подражания — все выражается в одном слове. Дамла — так обращаются к Сарымсакову многие.

Дамла — так обращается к Сарымсакову декан математического факультета ТашГУ Джават Хаджиевич Хаджиев. Дамла — говорит Сарымсакову и профессор, доктор физико-математических наук Михаил Яковлевич Антоновский:

— Ташмухамеда Алиевича я знаю четверть века. Когда я стал его студентом, он уже несколько лет был академиком. Академик в 28 лет — случай, конечно, редчайший. Как, впрочем, и сам его талант. Сарымсаков — это явление. Вряд ли во всей Азии отыщется более одаренный математик.

Дамла — так говорит Сарымсакову и вице-президент Академии наук Узбекистана, академик Сагды Хасанович Сираждинов:

— Если бы не Ташмухамед Алиевич, если бы не его вдохновляющий пример, я бы, наверное, не стал математиком... Просто поражаюсь, как в одном человеке может сочетаться столько достоинств. Талант ученого, выдающиеся способности политического, общественного деятеля и человеческая доброта. Другой бы на таких высоких постах мог и зачерстветь душой. А я не знаю челове-

ка, более отзывчивого, более доброго. Что бы у тебя ни стряслось, поздно ли вечером, ночью, всегда он придет, поможет, отыщет доброе слово.

Дамла — так обращается к Сарымсакову и его проректор по науке, лауреат международной премии имени Фирдоуси, поэт-переводчик Шаислам Махмудович Шамухаммедов:

— Ни минуты Сарымсаков не живет без своей науки. Дома ли он, в кругу ли друзей, на отдыхе ли в горах — всегда работает его мысль. Иной раз играет в футбол и вдруг остановится, отойдет в сторонку и станет, бормоча, что-то чертить на песке. Но главное в нем — это щедрость души. Как-то он позвал к себе своего нового заместителя. Тот решил, что для наставлений, и приготовился записывать. Но услышал только три слова: «Будьте добрым к людям». И все.

На Востоке говорят, что человек жил столько раз, сколько он воспитал учеников, сколько книг написал или сколько домов построил. Учеников у Сарымсакова столько, что никто считать не решится. А если число их все-таки и определят, то к нему надо будет добавить еще пять — столько детей (четыре сына и дочь) вырастил Ташмухамед Алиевич вместе со своей обаятельнейшей супругой Турсун-Ой. Книги — их у Сарымсакова несколько десятков: это и научные работы, и учебники, и монографии. Теперь о домах. За те двенадцать лет, которые Сарымсаков был министром образования, в республике было построено пять десятков только одних техникумов. А со строительством самого главного для Сарымсакова «дома» — Ташкентского университета — связана еще одна легенда. Рассказывают, что университет строили двое: стройуправление и Сарымсаков — так много сил, энергии он отдавал этой стройке; лазил по котлованам, по перекрытиям, до всего ему было дело. А когда поднялся красавец университет, стали называть его Домом учителя Ташмухамеда, что по-русски в сокращении будет: ТашГУ — Ташкентский государственный университет.

Так что если верить поговорке, то не одну жизнь Сарымсаков прожил, а, наверное, целую сотню. Как-то я спросил его:

— Правда, Ташмухамед Алиевич, что вы играете в футбол?

— А что? Разве я такой старый? Мне кажется, что я еще молод и нахожусь где-то в начале жизни,— озорно улыбаясь, ответил Сарымсаков.

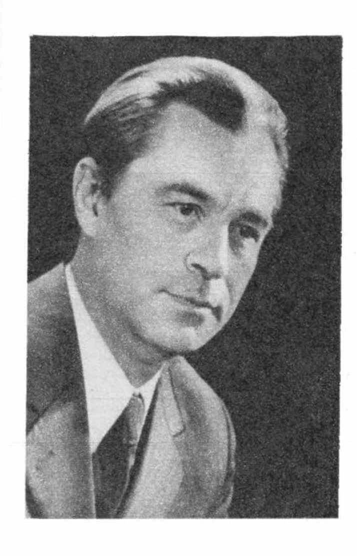
Вот ведь какой счастливый человек: сто жизней прожито, а своя только начинается.

Уже перед самым отъездом, прощаясь, я спросил Сарымсакова:

— И все-таки, Ташмухамед Алиевич, что вы больше всего цените в человеке?

— Доброту и человечность,— ответил он.— Если ты видишь, что кому-то плохо и ты можешь ему помочь, но проходишь мимо, разве можно считать себя человеком? Нет ничего лучше доброго, благородного поступка. От добра рождено все самое прекрасное на земле. И чему бы мы ни учили человека, начинающего жизнь, в первую очередь мы должны сказать ему: «Твори добро, если ты человек».

КРУТЫ

Виктор ЯКОВЕНКО

ПОЭМА

Ивану Ивановичу
Ветлицкому

В нарядной,
В лаве
Или в бане —
Я всюду слышал, там и тут,
С каким почтеньем:
— Дядя Ваня! —
Его на шахте все зовут.

Не изменить традиций давних:
Кто есть в забое бригадир?
Он и товарищ,
И наставник,
И политрук,
И командир.

Шахтеры в дружбе
Очень строги,
И ценят преданность они,
Ведь их подземные дороги
Дорогам фронтовым
Сродни.

Тем,
По которым
В час заката,
Когда вдруг позвала беда,
Ушел отец его
Солдатом
И... не вернется никогда.

Он тоже был простым рабочим
Знал цену
Вольному труду —
И за него,
За край свой отчий
Жизнь отдал в грозовом году.

Не предрешал судьбы заране,
Всегда был весел и открыт,
Бывало, скажет:
— На Иване
Земля-кормилица
Стоит.

Земля...
Она теперь
На плечи
Сыновьи
Глыбою легла.

Где мера
Веры человечьей,
Что в подземелье
Позвала?

Где силы молодой истоки?
Здесь не проселок напрямки.
Законы адских недр
Жестоки,
И это знают горняки.

●

А ведь она,
Любовь шальная,—
Той веры,
Силы той родник,
Что струйкой солнечной возник
Простор весенний обретая.

Так просветлила парню душу!
Отчаянно он полюбил
Романтику крутых глубин
И слово дал себе:
«Не струшу!»

Дни побежали, как мостки:
Не оступиться б ненароком.
Сперва робеют новички,
Их посылают
Шутники
С ведерком за... электротоком,

То вздумают вдруг попугать
Чертями в сумрачном забуте.
Смеется Ваня:
— Будет врать!
Потом, смелее став:
— Да ну те...

Копил и впрок
И про запас
Горняцкой мудрости науку.
И в душу так входил Донбасс,
Как лучший друг
Стремится к другу.

Донбасс.
Копры да терриконы,
И тут же степь — подать рукой.
Неписаные есть законы,
И главный здесь из них такой:

Ты побывай
Однажды
В штреке,
О лаве уж не говоря,—
Оставишь сердце тут навеки.
Мне это помнится не зря:

Я сам в краю рабочем вырос,
От шахты в десяти шагах.
Она мне с колыбели снилась,
Вселяла и восторг и страх.

Дымятся терриконы, седы,
И в небе, как велосипед,
Шкивы вертятся: «Едем-едем!»
А все на месте —
Столько лет!

А он роднее все, дороже,
И где бы ты ни колесил,
Но разлюбить Донбасс
не сможешь,
Забыть его — превыше сил...

Мелькали дни,
И под землею,
Там, где одна сплошная ночь,
Запахло утром
И весною,
Сверяли время
С новизною,
Как на поверхности, точь-в-точь:

Сюда спускались врубмашины,
Комбайны, скреперы пошли.
Шахтеры подвиги вершили
И брали трудные
Вершины
На допотопном дне земли.

А наш Ванюша
Стал Иваном,
Иван Ивановичем стал.
Сам предшахткома
Ветераном
Его недавно величал.

●

Он в тесном угольном уступе
И в лаве,
Где гудит комбайн,
Стихии грозной не уступит —
Разгадчик мрачных ее тайн.

Но опрометчиво не скажет,
Что с нею, мол, всегда на «ты».
Он двадцать лет,
И больше даже,
Но дело, может, и не в стаже,
Отбойным усмирял пласты.

Пласты,
Пласты
Безбрежным морем,
Застывшим,
Черным
Залегли
В необитаемом просторе
Громадин каменных земли.

Пласты,
Исконный клад планеты,
Богатств ее глухих пласты,
Источники
Тепла и света.
Но почему вы
Так
Круты?

К вам человек сумел пробиться
Сквозь толщи вековых пород,
Чтоб вы могли с ним поделиться
Огнем,
Он в устремленье тверд.

Нет, вековечная природа
Не храм,
Воздвигнутый людьми.
Пласты, зажатые породой,—
Поди попробуй их возьми,

Возьми-ка голыми руками
Вот этот
Дерезовский пласт.
Он, колдовской горючий камень,
Себя задаром не отдаст.

Сначала выжмет он три пота,
Заставит, скорчившись ползти.
Кто хочет взять его в два счета,
Тому заказаны пути.

Природа научилась живо
Преграды людям воздвигать:
То сбросы вдруг, то пережимы,—
Чтоб дух на прочность испытать.

Но в том величье человека,
Что он природы сей — венец,

Е ПЛАСТЫ

Сын,
А не раб ее
От века
И не насильник, наконец.

Она сама же наделила
Его
Талантом
Да умом,
Чтобы в себе
Нашел он силы,
Уверенность
В себе самом.

А если меру превосходства
Над ней захочет показать,
Как не умом — напором брать,
Она докажет первородство —
Что есть она, природа-мать.

Здесь проявляется уменье,
Не просто схватка — кто кого,
Из поколенья
В поколенье
Шахтер оттачивал его.

И если по законам братства
С природой человеку жить,
Тогда и все свои богатства
Она велит ему открыть.

●

Но не сдавайся ей на милость,
Пласты наклонные круша,
Пласты, в которых отразилась
Суровой нежности душа:

Каким-то таинством-секретом
Овеяны названья их.
В них столько
И тепла
И света,
Как в майских травах луговых,

В них — воля, мужество, сноровка.
В Донбассе, слышал я не раз,
Есть пласт «Мазурка»,
«Голубовка»
И драгоценный пласт «Алмаз».

Звучат в них имена родные,
Совсем как дочь или жена,—
«Светлана»,
«Анна»
И «Мария»,
Любимых женщин имена.

О, сколько их,
Названий нежных,
Все невозможно перечесть,
Есть «Незабудка»
И «Подснежник»,
«Ромашка полевая» есть.

И высью звездною подарен
Глубинам угольных орбит —
Голубоглазый пласт «Гагарин».
Как это здорово звучит!

Но и такие есть названья,
Что и никто не объяснит.
Их много помнит дядя Ваня.
Несмелым путь туда
Закрыт.

— А все ж,— сказал он,— это верно:
Не место красит —
Красит труд.
У нас на шахте «Профинтерна»
Пласт верхний
«Мачехой» зовут.

Там тоже уголь добывают
И ладят потихоньку с «ней»,
А впрочем, мачехи бывают
Иных не хуже матерей.

По стойкам он взобрался ловко.
Зарубку начинать готов.
О, пласт восточный
«Дерезовка» —
Из самых дьявольских пластов.

Но вот они,
Его питомцы,—
Во тьме сверкают их глаза,
Они поднимут это солнце
Туда,
Где светит бирюза.

Орлятам очистны́х забоев
Настал расправить крылья срок.
Здесь: Гавриченко и Гаглоев,
И Виктор Козелев —
Сынок.

Нет, это не простое слово,
Не знак обычного родства —
У парня нет отца родного,
Какие тут еще слова.

Он здесь погиб, на этой шахте
(Нелегкий это разговор),
Для Виктора с тех давних пор
Звучит, скорее, как характер,
А не профессия —
Ш а х т е р.

На трудовой
Горняцкой книжке
Он настоял в конце концов...
Когда-то так рвались
Мальчишки
На фронт,
Чтоб заменить
Отцов.

Иван Иваныч парня любит,
Здесь близость чистая сердец.
На шахте, на рыбалке, в клубе
Взгляни на них —
Сын и отец.

И остальным он верит твердо...
Осталось
Несколько минут.
Что нынче
Станет здесь рекордом —
Назавтра
Будет нормой тут.

Что нынче станет...
Ну, а станет?
Запасена в достатке крепь.
Корой,
Пахучей смолкой тянет...
И видит он
Родную степь.

Знакома каждая тропинка,
И дышится совсем легко.
Дочурка, милая Маринка,
Бежит с охапкой васильков.

А небо яркое смеется,
Щебечут птицы с высоты,
И все поет —
Цветы и солнце,
Поют и солнце и цветы.

...Что нынче станет...
Станет,
Станет!
Он сам на штурм их поведет.
Не подведите
Дядю Ваню,
А он
Ни в чем
Не подведет.

И о рекорде,
Как о славе,
Порою любят говорить.
Должны считать себя мы вправе
Тут главный смысл его раскрыть.

Две стороны,
Как у медали,
Что отличает грудь бойцов,
Есть у него.
Но мы всегда ли
Их меж собою различали,
Где тыльная,
А где лицо?

●

Здесь радужные меркнут краски
И властвует лишь черный цвет.
У каждого горит на каске
Луча пронзительного свет.

Еще не создала природа
Подобной темноты темней,
Но здесь, под этим низким сводом,
Рождается вулкан огней.

Вот бригадир окинул взглядом
Уступ,
Промолвил тихо:
— В путь...
И Козелев, стоявший рядом,
Отбойный молоток —
На грудь.

На стойках на крепежных стоя,
Так, чтоб сподручней как-нибудь,
Пошел врубаться
В грудь забоя,
Как говорится,
Грудь — на грудь.

Сжимает молоток отбойный
Железной хваткою руки,
И, как на ленте бронебойной,
Патроны собраны в обойму, —
На поясе его — зубки.

— Бери куток левее... ниже...
А я — к комбайну. Погляжу...
Наискосок, к массиву ближе,
Вот так...
Теперь —
По кливажу!

И Виктор вновь направил «дуло»,
Дробь отбивает молоток.
Струится угольный поток.
Все сотрясается от гула.

В забое,
Как на поле боя:
Тут одному не победить;
Один упорно рубит,
Двое
Должны не отставать —
Крепить...

Дал двадцать норм за смену Витя.
О нем в бригаде говорят:
— Не зря наш Виктор-победитель
У знамени Победы снят.

И доказали всем ребята,
К великой радости друзей,
Что молоток их
Рановато
Сдавать пока еще в музей.

Ему Стаханов и Изотов
Наметили высокий взлет,
Он от комбайновой работы
В машинный век не отстает.

Доволен дядя Ваня очень,
Что рядом
Вот такой народ,
С его же хваткою,
Рабочей,
Коль слово дал —
Свое возьмет.

Душа бригады,
Он по праву
Во всем
Достойный им пример,
Вожак, учитель,
Полный
Славы —
Шахтерской славы! —
Кавалер.

И слава эта не случайна,
Сама собою не придет...
И вот опять он
У комбайна —
Полоску новую ведет.

А стойки хрупкие, как спички,
А уголь вниз течет рекой.
Какой же надо здесь привычки
И веры надобно какой?!

Повелевать легко ль
Забоем?
В полметре, может, от беды...
Так повстречался я
С героем,
Пока
Без Золотой
Звезды.

Пока.
Но глаз шахтерский зорок,
Крепка
Рабочая рука.
Ведь дяде Ване
Лишь под сорок,
Короче, нет и сорока.

Крепчай, стахановская слава!
Рекордам не трубить отбой.
Гремит комбайновая лава,
В уступе вторит ей забой.

Мужайте крылья у рекордов,
Всегда зовущие вперед,
И чтоб всегда звучало гордо,
Как песнь,
Как молодость,—
Рекорд.

Ты не случайность, а призванье,
Ты не простой итог —
Р е к о р д,
Пусть не умрет твое звучанье,
Как заключительный аккорд.

Чтоб ты не забывался быстро,
На подвиг новый воскрыли.
Хочу, чтоб ты остался искрой
В сердцах добытчиков земли...
Чтоб эти строчки
До министра,
Как строки рапорта,
Дошли.

Донбасс — Москва.

Гордость Киева — новый мост через Днепр.

Мама, догоняй!

ЧУДЕ

Николай
КОЗЛОВСКИЙ,
собственный
корреспондент
«Огонька»

Фото автора

Хороши кварталы Русановки.

Н КИЕВ

Киев мой... Так поется в популярной украинской песне. И так говорит о своем родном городе каждый житель Киева, а их уже почти два миллиона. Я тоже называю его родным, хотя родился в Сумах, не очень большом и не очень древнем украинском городе, раскинувшемся у тихой речки Псел. Я с детства знал, что наша тихая речка вливается в широкий Днепр, что где-то там, на его высоком берегу, стоит древний Киев. Город на Днепре был, пожалуй, моей первой детской мечтой. Вскоре после великой Победы я приехал в столицу Украины, в полуразрушенный, но энергично возрождающийся город. И с той поры навсегда стал его жителем.

Город-герой и город-труженик, он твой и мой, он наш, он тысячами нитей связан с Москвой, со столицами союзных республик, со всей нашей необъятной Родиной. И киевляне по праву гордятся тем, что именно их земляку, прекрасному поэту Павлу Григорьевичу Тычине принадлежит крылатое выражение «чувство семьи единой», ставшее символом нерушимой дружбы братских советских народов. И не только киевлянам, но в равной мере москвичам и алмаатинцам, минчанам и уфимцам одинаково близки и дороги славная история «матери городов русских», революционные традиции «украинских путиловцев» — арсенальцев, героизм защитников Киева в годы Великой Отечественной войны и замечательные свершения тружеников столицы Украины сегодня, в завершающем году девятой пятилетки.

Если правильна мысль о том, что каждый город рассказывает о себе языком памятников и зданий, улиц и площадей, то нельзя не признать язык Киева на редкость выразительным, ярким и самобытным. Вспомните, как со стороны левобережья эффектно смотрятся, словно дополняя друг друга, очертания изящной лаврской колокольни и строгого прямоугольника новой 20-этажной гостиницы «Киев»; обратите внимание, как гармонично вписалась в своеобразный киевский рельеф новая 380-метровая телевизионная вышка; понаблюдайте, как восхищаются наши гости древней Софией и великолепным дворцом «Украина» — подлинным чудом современной архитектуры. Именно эта перекличка веков, эти неожиданные сочетания, встречающиеся чуть ли не на каждом шагу, придают Киеву особое очарование.

А город продолжает менять свой силуэт, поднимаясь все выше и выше, город продолжает менять свой цвет, становясь все светлее и наряднее благодаря керамике и майолике, широко и изобретательно используемым на фасадах новых строений. Он непрерывно обновляется и хорошеет, этот древний, нестареющий город. И главная его примета — новостройки.

Недавно я беседовал с председателем Киевского горисполкома Владимиром Алексеевичем Гусевым. Говорили о сегодняшнем и завтрашнем Киеве, вспоминали вчерашний. Вдруг Владимир Алексеевич вспомнил, что 25 лет назад я снимал его на строительстве Каховской ГЭС, где он работал тогда прорабом. И невольно подумалось: как стремительно бежит время! Растут города, растут люди...

Председатель горисполкома назвал на память уйму цифр. Я едва успевал их записывать. Но некоторые врезались в память. Жилищный фонд Киева ныне в четыре раза больше, чем был перед войной. Миллион киевлян справили новоселье за последнее десятилетие. Вдуматься только — целый миллион новоселов! Город растет ежедневно, ежечасно. В среднем каждые 20 минут рождается новый киевлянин. И каждые 20 минут появляется новая квартира.

Когда-то на песке строили только дети. Когда взрослые хотели сказать о чем-то нереальном, зыбком, они говорили: «Построено на песке». Теперь Русановка и Березняки — привлекательнейшие районы с высокими и светлыми зданиями, вдоль которых протекают одетые в камень каналы,— выстроены именно на песке, выстроены красиво, прочно вопреки старой и окончательно устаревшей поговорке.

Русановка и Березняки — как бы фасад левобережья. За ними — новые и новые кварталы. Сколько здесь живет новоселов! Полмиллиона!

И вот что любопытно: при таком огромном размахе строительства Киев, оказывается, не потерял своего, может быть, главного природного дара — зелени. Не только не потерял, но и кое-что приобрел: на каждого киевлянина приходится сегодня 19 квадратных метров зеленых насаждений — это очень много по сравнению с другими городами.

Будущее Киева определено генеральным планом его развития. Закладывается это будущее уже сегодня. И речь идет не только об архитектуре, о новых транспортных средствах, о строительстве зданий, в которых будут жить дети наших детей и внуки наших внуков. Будущее Киева в широком плане тоже закладывается сегодня. Сделать свой город образцовым во всех отношениях! Таков девиз киевлян, подхвативших почин москвичей. Выступая на собрании актива партийных организаций Киева и области 11 апреля 1975 года, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий сказал: Нужно добиться такого положения, чтобы каждый житель Киева всегда стремился к тому, чтобы наш чудесный город-герой, вся Киевская область стали еще лучшими и в труде и в быту, показывали пример высокого качества всей работы, деловитости и целенаправленности.

Большие задачи стоят перед Киевом и киевлянами.

Вместе со всеми советскими людьми они живут сегодня одной большой, главной заботой. Пятилетке — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу.

«Арсенал» — станция метро.

В Матвеевском заливе.

Зорька.

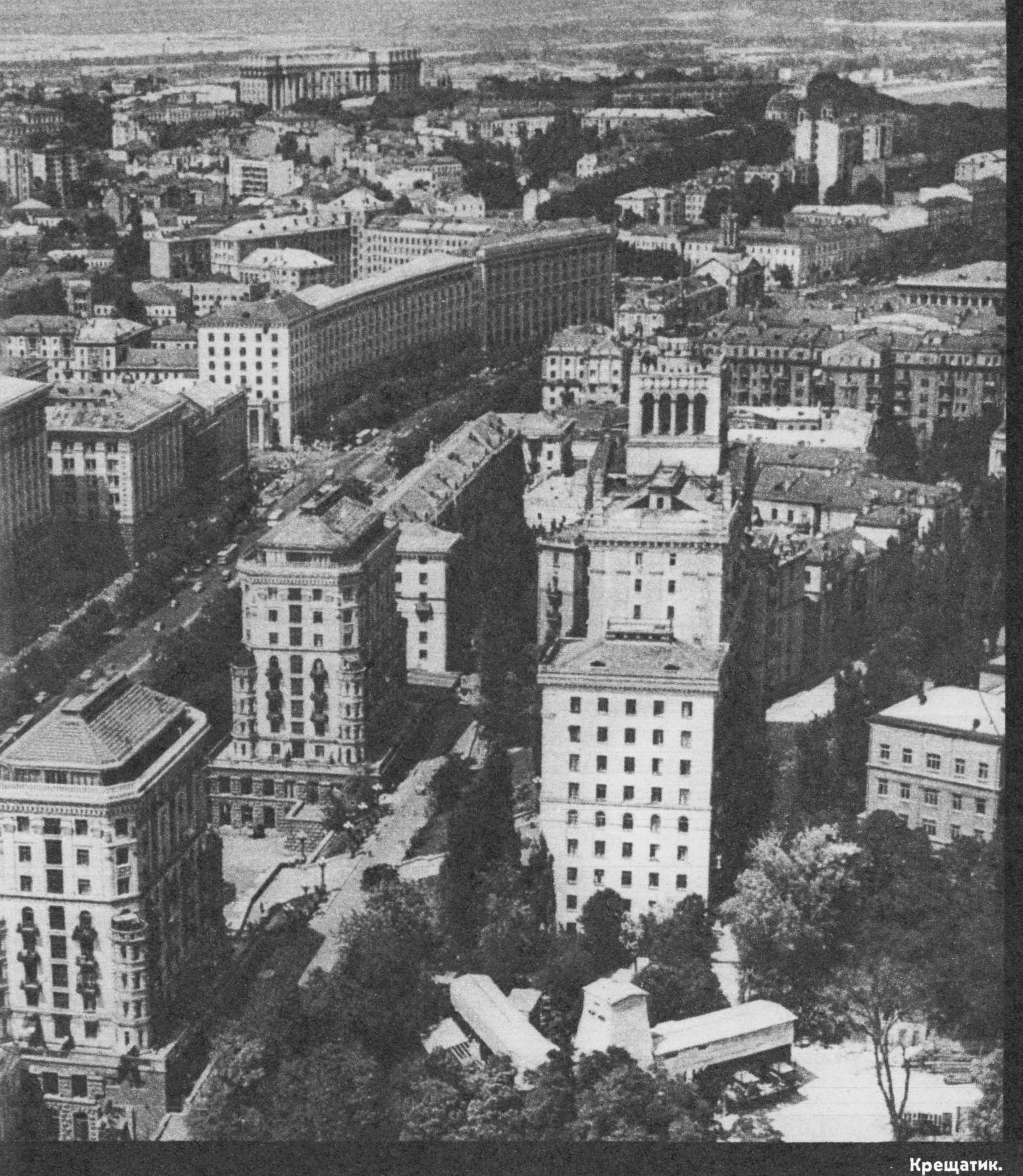

На Центральном стадионе сегодня футбол.

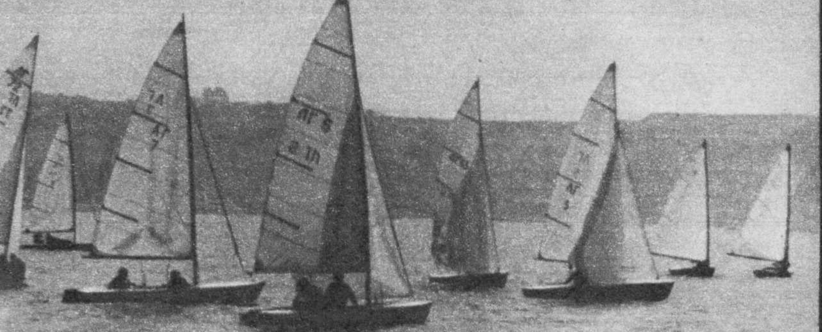
Валерий Борзов дает автографы.

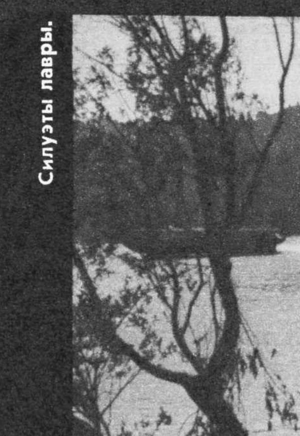
Крещатик.

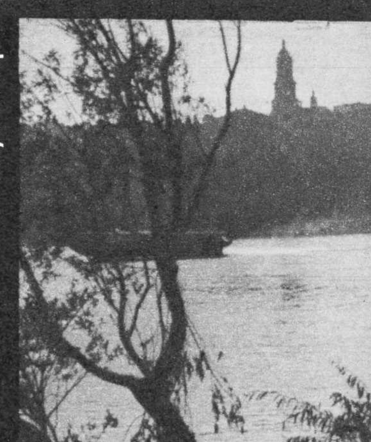

Символ города — Днепр.

Есть теперь под Киевом море.

Силуэты лавры.

Мы — киевляне...

«...ОСУЩЕСТВИТЬ В 1975–1990 ГОДАХ ОСУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ НА ПЛОЩАДИ 9–10 МИЛЛИОНОВ ГЕКТАРОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЗАКРЫТЫМ ДРЕНАЖЕМ 7–8 МИЛЛИОНОВ ГЕКТАРОВ...»

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР».

Б. СМИРНОВ,
фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Сизая пелена плывет над дорогой. Желтые стволы сосен, прогретые солнцем, так и пышут горячим воздухом. Жара... В этих звенящих зноем борах, в этой прожаренной, как на сковородке, песчаной почве с редкой, пожухлой травой уже как будто не осталось ни капли влаги, и до нелепости странной кажется цель нашей поездки: осушение. И не веришь в прописную, как дважды два, истину, что эти края известны болотами, что за чистыми мачтовыми лесами лежат здесь непролазные топи, заросли ольшаника и осины. Такова уж она, рязанская Мещера с ее удивительными контрастами: красота и пугающая строгость, бесплодные пески и щедрые на урожай торфяники...

Первое интервью нам дал рыбак в выцветшей солдатской гимнастерке и белой курортной кепке. Он сидел на берегу длинного и ровного канала, даже не канала, а огромной канавы, окружающей зеленое поле. Что это за странный водоем, откуда в нем рыба — разобраться сначала было не просто.

— На объекте находитесь, на объекте «Макеевский мыс», — объяснил рыбак.— Да вы не пугайтесь, объектами у нас поля называются, те, которые после осушения получились.

— Вот это поле — осушенное?

— Так и есть. Вы, например, ко мне сейчас по асфальтовой дороге прибыли, а не знаете, что три года назад сюда на телеге проехать было невозможно. Болото, одним словом, место никчемное, осоки и то толком не накосишь.

— Как же этот объект создавался?

— Пригнали технику, какой мы не видели. Первым делом дамбой от реки отгородились — вы вдоль нее ехали. Тракторы по болоту шли — все до кустика срезали, выкорчевали. Потом канавы прокопали: в одни, помню, трубки такие кирпичные заложили да засыпали, а другие канавы открытыми оставили, в них вода с болота стала вытекать. Воды-то много, ее откачивать надо, верно? Вон, видите, здание стоит. Это насосная станция, автоматика лишек воды от поля снимает. А уж как рыба сюда попала — объяснить не могу. Думаю, это утки, по обыкновению, с Пры сюда залетают, а рыбья икра, известно, к их лапкам пристает. Теперь ничего, берут подлещики!

— А как объяснить название поля — «Макеевский мыс»?

— «Макеевский» — это совхоз в Клепиковском районе, а мыс потому, что поле в лес клином вдается... Хорошее получилось поле, урожаи на нем — как на черноземе. С целинной, можно сказать, земли теперь и пшеницу, и овес, и картофель, и овощи стали брать. Одним словом, мелиорация!

Это слово — «мелиорация» — стало сейчас, пожалуй, самым популярным в Клепиковском районе, хотя смысл его — улучшение земли — был самой главной заботой Мещерского края на протяжении многих столетий. И сейчас кое-где на болотах сохранились полузаросшие канавки — это когда-то в прошлом веке генерал Жилинский руками тысяч своих солдат пытался осушать барские угодья. Но киркой и лопатой с такой работой не справишься...

Мы едем на новый объект — «Порцевку»,— где работы по осушению земли начались совсем недавно. Заросли кустарника, кочки с остролистой осокой. Наступишь рядом — и след в пружинистой, трухлявой земле быстро наполняется коричневатой жижей. Не то что машина — трактор не пройдет здесь. Но... трактор обычный, а здесь работают специальные — болотоходы, с широкими, как городской тротуар, гусеницами.

Сейчас в Мещере, как на выставке, можно увидеть всю нашу «болотную» технику — скреперы, бульдозеры, корчеватели, одноковшовые и многоковшовые экскаваторы. И вся эта грохочущая армада ринулась в атаку на болота. Вот они, все стадии «наступления»— от только лишь раскорчеванных полей до сложной системы уже уложенных на полутораметровую глубину керамических дренажных труб. И, как в любом наступлении, нельзя здесь рубить сплеча. Природа — дело сложное, бессистемное уничтожение болот может нарушить биологическое равновесие. Поэтому осушительные работы в Мещере ведутся строго по проекту, составленному учеными. Для каждого участка земли, в зависимости от состава почвы,— своя схема обработки, свой диаметр дренажных труб, свой уклон каналов, который выдерживается экскаватором...

— Техника, конечно, далеко вперед шагнула,— рассказывал механик передвижной механизированной колонны № 9 объединения «Рязаньмелиорация» В. М. Попков. — Лет пятнадцать назад, когда я перешел работать на мелиорацию, нам такие машины и не снились. Слабенькие были экскаваторы, но и они шуму много натворили. Помню, из деревень к нам с кулаками бежали, не дадим, мол, болото осушать — скотина без корма останется! Ведь не сразу до всех дошло, что с улучшенных земель отдача во много раз больше. Старики-то где раньше сеяли? По бугоркам, на песочке, а там известно какие урожаи, на песочке-то. Я сам из этих мест, из Большой Матвеевки, там земля, наверное, во всем районе самая бедная. Был я трактористом, за многие годы, считай, не осталось в районе поля, где бы я не пахал и не сеял. Знаю, что за работа: вертишься на тракторе между болот, как белка в колесе. Попашешь так — поймешь, что значит мелиорация. Вы были на Макеевском мысу? Вот где раздолье — паши, как хочешь! А на Порцевке поля будут еще красивее, здесь мы все свое дренажное хозяйство полностью упрячем под землю. Пройдет человек по полю и не догадается, что под ногами у него целая система водоотводов!

Красивое поле... Так говорят хлеборобы, когда пшеница стоит густая и ровная, колос к колосу, или виноградари, когда за спелыми чистыми гроздьями почти не видна листва. А здесь красота другая, подземная, незаметная для чужого глаза,— красота хорошо сделанной работы. В ней залог будущих урожаев, залог тех успехов, которых обязательно добьются земледельцы преображенной мещерской земли.

●

За 4 года девятой пятилетки в Клепиковском районе Мещеры освоено 6 тысяч гектаров заболоченных земель, в 1975 году будет сдано в эксплуатацию еще 2 220 гектаров.

Прежде урожай зерновых в Мещере в лучшие годы составлял 7—8 центнеров с гектара, картофеля — по 50—60 центнеров. Теперь на осушенных землях урожай овса — 35, пшеницы — 30, картофеля — 150—200 центнеров с гектара.

В нынешнем году в мелиорацию рязанских земель намечено вложить 21 миллион рублей.

●

На болотистые равнины приходят машины, в землю укладываются сотни дренажных труб.

Вишня Мещеры.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Поднятая целина.

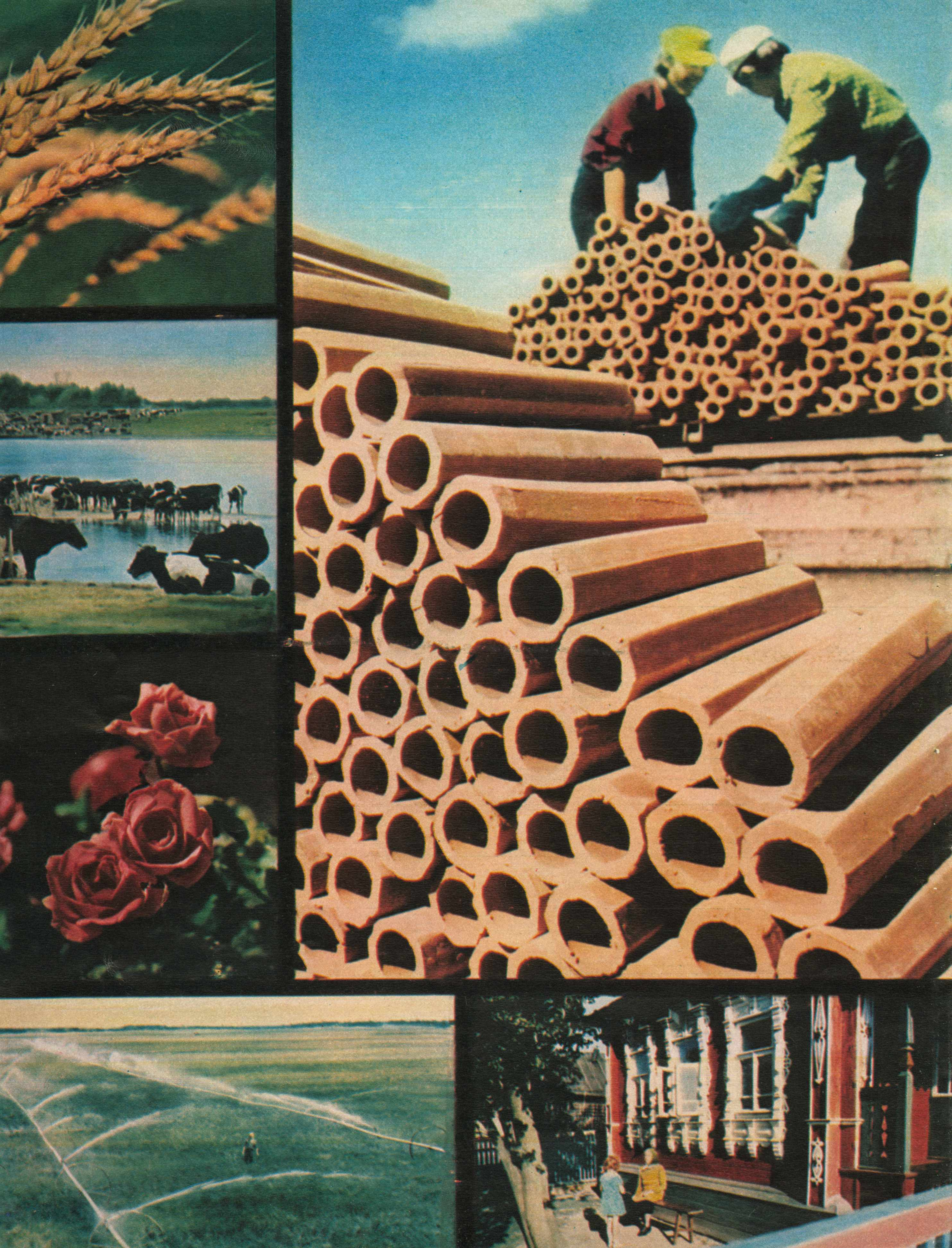
Гидротехник Клепиковской передвижной механизированной колонны Раиса Синицына на разбивке трассы дренажа.

МЕЩЕРА — КРАСИВОЕ ПОЛЕ

Н. ТОЛЧЕНОВА

БРОСЬ МОНЕТКУ В КАТУНЬ

Свое многообразие, свои богатства Алтай — его земля и его люди — раскрывает не сразу. Не поленись забраться в глубинку, за многие десятки, а то и сотни километров от Барнаула,— только тогда откроется тебе поистине несказанная мощь удивительного края, где просторы хлебных полей сменяются сперва неоглядными пастбищными угодьями, привольно раскинувшимися на мягко очерченных, волнисто-закругленных сопках, либо непроходимой, прямо-таки «шишкинской» тайгой и, наконец, горными, будто кавказскими или крымскими,— да куда там, гораздо более суровыми пейзажами с головокружительными перепадами бездонных пропастей и неприступными вершинами, торжественно сияющими вечным льдом и все равно живыми, рождающими стремительные, полные до краев, несущиеся друг к другу Катунь и Бию, чтобы уже обеим вместе породить Обь (что и значит: обе) — могучую, гордую своей силой реку Сибири.

В глубинные алтайские села, скрытые среди всех этих красот, мы отправились по рекомендации секретаря крайкома КПСС Александра Николаевича Невского после того, как по его же совету посмотрели интересный документальный телевизионный фильм «Завьяловские вечера», выпущенный Барнаульской студией телевидения.

— Вы хотите познакомиться с работой театра на селе? Но я бы взглянул на сегодняшнюю сельскую жизнь шире,— сказал Александр Николаевич в первый же день нашей встречи.

— Дело в том, что люди на селе не ждут пассивно, когда к ним театр припожалует. Вся жизнь села активизировалась. Производственная работа хлеборобов, чабанов да всех сельских тружеников, как и их досуг, равно находятся в поле зрения партийных организаций. Для нынешнего партийного работника самое понятие культуры — понятие емкое, многомерное: оно не сводится к проведению каких-то очередных «мероприятий», соответствующих графе отчетного доклада... Нет, не зрелища сами по себе и не сумма этих зрелищ, а серьезное, планомерное культурное строительство — таков план действий, намеченный решениями XXIV съезда партии. Осуществляя их, готовясь к XXV съезду КПСС, мы всю пропагандистскую и организаторскую работу на селе стараемся пронизать творческим духом.

Откуда возникает проблема миграции села, порою весьма трудная?— продолжал А. Н. Невский.— Думается, ее порождают сегодня отнюдь не материальные условия: люди нынешнего села живут в полном достатке. Гораздо острее дает себя знать неполнота духовной жизни. И одним только телевизором и кино ее не восполнишь. Человек тянется к созиданию нового, стремится деятельно в нем участвовать, раскрывать свои способности... В какой-то мере фильм «Завьяловские вечера» показывает, как решаются подобные проблемы. Хотите поехать в Завьялово?— вдруг спросил Александр Николаевич. Но тут же перерешил:

— Надо побывать там, куда ни журналисты, ни телевизионщики не добирались, и обязательно в Кош-Агаче. Это высокогорный район, труднодоступный. Ему особо помогать нужно...

Так начались наши алтайские вечера.

Множеством ярких впечатлений и интересных встреч они подтвердили и правоту мыслей, высказанных в крайкоме КПСС, и живую пользу дел, запечатленных в фильме о завьяловцах, и, конечно же, важность и своевременность культурных начинаний на селе, многообразно и интересно осуществляемых коммунистами Алтая.

Наш внезапный приезд в Первомайский район захватил было врасплох секретаря райкома партии Павла Михайловича Логинова: он только что вернулся с ярмарки, где целый день, с утра до вечера, жители окрестных сел покупали либо продавали то, что было необходимо им или другим людям, и, как это положено на всякой ярмарке, веселились, пели песни, пускались в пляс, а в заключение смотрели большой концерт.

— Лучшие силы самодеятельности были представлены на подмостках,— кому же кроме! — сказал П. М. Логинов.— Но сейчас все уже кончилось. Люди устали, по домам отправились... Что же бы вам посмотреть у нас?..

Решили ехать в совхоз «Санниково», где директором Дома культуры много лет работает Маргарита Николаевна Соколенко.

Но сначала в Санникове нас познакомили с директором совхоза Вилли Александровичем Соколенко.

— Они однофамильцы с Маргаритой Николаевной?— спросила потихоньку я у Логинова.

— Нет, муж и жена,— был ответ.

В кабинете директора нас встретил не очень молодой, собранный и немногословный, даже как бы нахмуренный директор; он явно не привык тратить свое время зря; в небольшом его кабинете на стене висел транспарантик, где разборчиво и четко было написано следующее: «Каково содержание вашего вопроса? Что вы сделали для его решения? С кем пытались решить этот вопрос? Какая вам нужна помощь?»

Меня эти вопросы, признаться, несколько смутили, но потом я заметила в кабинете еще один транспарантик. Здесь были выписаны слова Аркадия Гайдара: надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

— Умные вещи напомнить никогда не мешает!— сказал по этому поводу Вилли Александрович.— И потом, это помогает находить единомышленников.

Они были остро нужны, единомышленники, когда, двенадцать лет назад, Соколенки приехали из Белоруссии строить совхоз «Санниково». Все пришлось тогда создавать заново; поблизости находилась лишь маленькая грязная деревушка, именовавшаяся в просторечье Пьяная... Теперь тут кругом стоят большие, красивые, широкооконные дома; выстроен чудесный, удобный — по собственному замыслу Соколенков,— вместительный Дом культуры с изящной фреской по фронтону; большая школа-десятилетка соперничает с приземистым, но приветливо распахнутым навстречу солнцу и свету зданием детского сада.

— Само ничего не делается,— говорит Вилли Александрович,— а делать надо! Надо, чтобы люди любили свою землю активно, деятельно, с полной самоотдачей. Чтобы не один только материальный интерес был движущей

•

На полях совхоза «Макеевский» орошаются освоенные земли, чтобы колосилась пшеница, цвели розы, вольно гуляли стада.

Скоро эти трубы уложат в землю.

Такие нарядные дома очень украшают деревню Ханино.

силой. Надо воспитывать духовность, нравственность. Конечно, искусству тут непочатый край работы. Но не очень-то нам помогает сегодня профессиональный театр. Не всегда возникают нужные взаимоотношения, обоюдные творческие контакты. А без них нет культуры, есть просто зрелище, просто «убитый» вечер.

— Не слишком ли строго вы относитесь к профессиональному театру? — спросили мы.

И тогда Соколенко, совсем уж рассердившись, сказал, что если бы театры чаще привозили классику, то были бы желанными гостями, но многие герои современных пьес либо отстают от жизни, либо смотрят на эту жизнь глазами людей, далеких от труда, от живых проблем современности... «Модерновый» язык, какой-то завуалированный смысл, мелкие дрязги, невнятные намеки — все это чуждо зрителю-труженику; его интересы, запросы, волнения были и остаются серьезными, важными; ему безразличны пустые сюжеты, надуманные конфликты, за которыми нет подлинных ценностей бытия...

— И, кстати, многие пьесы быстро устаревают,— говорит Соколенко.— Вот, скажем, смотрели мы «Таблетку под язык» Макаенка. Кажется, на злобу дня. А вся жизнь вокруг уже не отвечает тому, о чем пишет автор: действительность давно ушла вперед.

Нашу горячую дискуссию прекратила Маргарита Николаевна.

— Посмотрите-ка лучше еще одну молодежную стройку,— сказала она решительно. И мы вышли из клуба на улицу. Рядом с ДК, на соседней площадке, окруженной строительными лесами, возводилось какое-то круглое, ажурное здание.

— Это наш танцзал! — объявила Соколенко.— Будем проводить вечера отдыха молодежи. Сразу же после вечернего киносеанса. Чтобы влюбленным было где полюбоваться друг другом! А те, кто только собирается влюбиться, тоже могут повнимательней и поближе присмотреться друг к другу...

— Все это, конечно, шутка, но в ней есть рациональное зерно,— добавил серьезно Вилли Александрович.— Такие вечера нужны. Мы имеем в виду и способности и чаяния молодежи — ее постоянное стремление выразить себя, «состояться»... Всем нашим самодеятельным ансамблям это добавит интересной работы. Кстати, свои собственные зрительские конференции по современному репертуару сможем проводить!..

Дальнейшая наша поездка по Алтаю позволила встретиться и с содержательным репертуаром творческих коллективов и с высококачественным профессиональным исполнением.

В далеком селе Кытманово, когда после многих дорожных приключений мы туда добрались, в большом, новом, недавно открывшемся Доме культуры уже шел гастрольный спектакль Барнаульского ТЮЗа «В добрый час!» В. Розова.

В зрительном зале было полным-полно. С трудом найдя себе по свободному местечку, мы очень скоро включились в жизнь героев ранней розовской пьесы — славных ребят, горячо спорящих о жизни, определяющих свое неравнодушное в ней участие. Зал реагировал на каждую реплику оживленно и бурно, оценивая ситуацию, казалось бы, тоже довольно старую, но — вот на тебе! — полностью сохранившую и молодой пыл и молодую убежденность... Уж очень хороши были главные герои — двоюродные братья Андрей и Алексей в исполнении артистов ТЮЗа А. Слобожанина и Г. Асатиани, — от них в большой мере зависела бесспорная удача представления. Хотя и все остальные актеры заслуживают самой доброй оценки.

На другое утро мы снова встретились с гастрольной труппой ТЮЗа, охотно показавшей нам несколько эпизодов из спектакля «Высоко в синем небе» Л. Квина. В репертуаре ТЮЗа эта местная пьеса тоже живет очень прочно. Спектакль, взволнованно и искренне рассказывающий об алтайском герое-летчике Гулькине (в пьесе он Голубев), пользуется у молодых зрителей неизменным успехом. Мы увидели, как настойчиво Голубев рвется в авиацию, собственной волей преодолевая многие препятствия. Решимость, твердость, открытость характера центрального героя — его играл уже знакомый нам Г. Асатиани — тонко подчеркивал по контрасту А. Слобожанин, обнаруживая недружелюбие, скрытую зависть в роли Бориса, голубевского приятеля...

Оба представления, подумали мы, наверняка понравились бы Соколенкам своим ненавязчивым воспитательным смыслом. И посоветовали молодым актерам побывать в Первомайке. Оказалось, что лучшие гастрольные спектакли ТЮЗа выдерживают 200, а то и 300 выездов. И, конечно, Первомайку ТЮЗ не минует...

Было раннее утро, но в Доме культуры постепенно стала появляться молодежь Кытманова, люди, очень красиво и модно одетые ради воскресного дня.

— Может, сегодня оперетта будет репетировать,— сказал кто-то.

— Откуда ждете оперетту? — спросили мы.

— Ниоткуда: своя есть,— не без гордости сообщили нам кытмановцы.

О создании музыкального народного театра поведал нам Виктор Григорьевич Греков, секретарь райкома партии. Оперетта была его детищем. Возникла она давно, когда Виктор впервые приехал в Кытманово, окончив педагогический институт: работать секретарем комитета комсомола.

— Энергии много было, да и выдумки тоже хватало, — усмехается несколько смущенно Греков. Он кажется живым олицетворением всего нового на селе: смотришь на него и видишь, насколько изменился — даже внешне — облик партийного работника: как разносторонни способности, как высока культура этих людей, почти все они имеют, как правило, высшее образование, даже не одно, а два, непременно включая Высшую партийную школу (очную либо заочную), которая дает им не только глубокие знания общественных дисциплин, но расширяет кругозор, утверждает нравственные коммунистические основы мировоззрения... Вот таким раскрывается и Греков с его поистине неукротимой жаждой к свершению, а главное, умением собрать вокруг себя людей, увлечь их делом.

— Сначала мы задумали,— говорит он,— создать в Кытманове творческое объединение сельской молодежи. Сказано — сделано. Решили готовить собственными силами спектакль, и чтобы повеселее! Размахнулись на «Свадьбу в Малиновке». И взялись за это, ну, просто сгоряча: вовсе не представляли, как будет трудно. Да уж не хотелось отступать, азарт появился! И увлекли мы этой опереттой не только молодых, даже старики принялись помогать: собирали реквизит, декорацию строили... Тогда же вокруг спектакля неминуемо пришлось самодеятельные ансамбли создавать: хоровой, танцевальный, вокальный, оркестр... И вот в 1964 году появилась на сцене наша «Свадьба в Малиновке». Теперь и по фотографиям видно, каким же слабым, даже корявым, неслаженным было наше детище. Но лиха беда — начало!.. Успех все ожидания превзошел и подтолкнул на новые дерзания. Отыгравши «Свадьбу» у себя и у всех соседей, стали готовить «Морской узел». За ним осмелели и взялись за «Черного дракона». К этому времени уже умели отличать сценарий от либретто, клавир от партитуры...

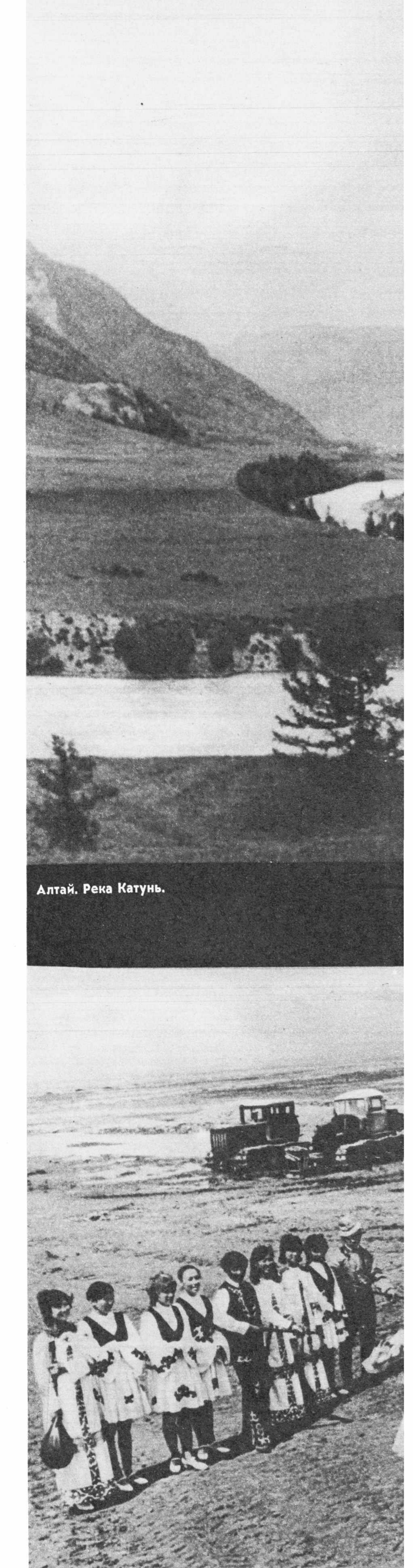
Сейчас секретарь райкома партии В. Г. Греков по-прежнему остается режиссером Кытмановского народного театра оперетты, имеющего звание лауреата Всероссийского смотра самодеятельности, диплом I степени и многие награды за большую плодотворную работу по эстетическому воспитанию молодежи.

— Теперь чуть ли не ежегодно по спектаклю выпускаем.

— А как вам помогает Барнаульский театр музыкальной комедии?

— Первейшие наши друзья и шефы! — горячо отвечает Виктор Григорьевич.— Так же, как и Кытмановская музыкальная школа...

Видимо, эта кипучая энергия, общественный ее заряд и впрямь помогают Грекову не только работать, но и жить, учиться, задумывать новое. Ведь дома-то у него двое маленьких ребятишек, и приходится помогать жене — она преподает в десятилетке немецкий и английский языки... Дом Грековых устроен не на-

Алтай. Река Катунь.

Фото Валерия ШУСТОВА (АПН)

«Чуя», самодеятельный коллектив Кош-Агача, выступает перед механизаторами. Сольный номер исполняет Майра Битуганова.

В. Г. Греков — секретарь РК КПСС в Кытманове.

Сцена из спектакля Барнаульского театра юного зрителя «Высоко в синем небе» Л. Квина.

спех, а обстоятельно и красиво, причем главную красоту вносят цветы: целое море цветов вокруг большой стеклянной веранды — пионы, розы, разноцветные ромашки, какие-то еще неведомые мне вьющиеся растения, весело перелезающие через оградку, навстречу людям.

— Пусть! — говорит Греков.— Это ведь тоже пропаганда!.. Хочется, чтобы у всех были цветы, была радость. Без этого тоже я культуру себе не представляю!

Мысли о культуре — о ее уровне, задачах, содержании — работники партии повседневно связывают с подготовкой к предстоящему XXV партийному съезду. И это закономерно. В этом перспектива сегодняшнего — и завтрашнего — дня в жизни народа.

— Жизнь надо делать одухотворенной, осмысленно красивой. Тут средоточие нашей культурной работы, а значит, залог творческого успеха, хозяйственных дел: о них мы не забываем, даже когда новый спектакль готовим. Одно от другого просто не оторвешь: люди-то ведь одни и те же, хлеборобы!— замечает Греков. И тут я вижу, что он не так уж и молод. И вижу, что он устал. И догадываюсь, что, наверное, не скоро придется ему отдохнуть... Одно неотложное дело сразу же сменяется другим. И нет им ни конца, ни края. И нельзя их решать с наскока, без высоких знаний, без серьезной подготовки: осмеют тебя в селе и выведут на чистую воду, ежели за тобой одна хлестаковщина...

В селе Калманка, когда мы туда приехали, как раз шло собрание механизаторов: подводились итоги выполнения очередных сельскохозяйственных работ. Отличившимся бригадам вручали награды и премии, хотя звучали в выступлениях и серьезные критические замечания, важные для будущих работ.

— Что сделано, то сделано, а теперь уже о завтрашнем пора думать!— сказала по этому поводу Матрена Тихоновна Шемчук, первый секретарь Калманского райкома партии.

Только что Матрена Тихоновна вернулась с поля — ездила смотреть хлеба нового урожая. Хрупкая эта, но, видимо, очень выносливая и энергичная, загоревшая дочерна женщина — коренная сибирячка. По образованию и по опыту работы она и педагог и партийный работник. В ее облике строгость, испытующая пристальность взгляда вдруг сменяются прямо-таки ослепительной, неожиданной на этом потемневшем от солнца и ветра лице доброй улыбкой.

— Пойдем ко мне? Познакомлю со своей старенькой мамой; нас с ней только двое,— пригласила Матрена Тихоновна.— Но тогда пропустим концерт, а жаль: после собрания у нас в гостях симфонический оркестр из Барнаула, хорошая классическая музыка...

Правда, не все механизаторы остались, чтобы услышать концерт. Но тем, кто был в зале, прекрасное исполнение пьес Чайковского, Шопена, Рахманинова, Огинского доставило глубокую радость.

Заслуженный механизатор РСФСР Анна Васильевна Череповец, поднявшись на сцену, с поклоном передала дирижеру Барнаульской филармонии Александру Васильевичу Романько накрытые вышитым полотенцем хлеб-соль на блюде. А директор совхоза «Кубанка» Эльмир Михайлович Попов, молодой инженер, произнес благодарственную речь, обращенную к оркестрантам.

— Не верьте, — горячо сказал он, — что сельскому слушателю будто бы не нужна серьезная классическая музыка, что его интересует только джаз. Мы всегда с нетерпением ждем вашего приезда и всегда вам рады!..

Впрочем, на алтайской земле слышали мы и джазовую музыку в исполнении эстрадного коллектива «Почта полевая». Ансамбль выступал в совхозе «Беловский», Троицкого района. Программа была хорошая. Портила концерт только оглушительная, преувеличенно громкая манера исполнения, какую сами-то музыканты — явно ошибочно! —считали весьма модной и современной...

В Троицком нам предстояло увидеть фильмы, созданные здесь любительской студией, которая имеет на своем счету документальные ленты, не однажды награжденные на всесоюзных фестивалях самодеятельного кино. Однако руководитель студии Валентин Кузьмич Заречнев был в отъезде, и увидеть эти интересные работы, к сожалению, не пришлось. О них с большой похвалой рассказал нам секретарь райкома партии Владимир Денисович Костенко, он же и проводил нас на Чуйский тракт, или, как тут говорят, на большак.

Мы выехали из села длинной, вечереющей улицей. На многих дворах, а то и прямо перед палисадниками стояли накрытые столы; люди отдыхали, чаевничали, встречали родных и соседей; в воздухе аппетитно пахло теплыми пирогами...

Хорошо, зажиточно стала жить сибирская, алтайская деревня. Ни одного дома без телевизионной антенны, без цветущего сада не встретишь в селах, раскинувшихся по Чуйскому тракту, прославленному Василием Шукшиным в раннем его фильме «Живет такой парень»... Следуя все дальше по этому тракту, мы могли добраться и до высокогорного Кош-Агача, упомянутого в Барнауле А. Н. Невским, и даже до Монголии. Но серпантинно-извилистая дорога становилась все более крутой, наш водитель Николай Мартыныч нервничал, — после очередной неполадки с машиной мы сменили «Волгу» на «Як-40».

От Горно-Алтайска, являющегося областным центром высокогорного края, «Як» долетает меньше чем за час: это вместо двух-то прежних, а то и трех дней пути! Надо ли говорить, как много выиграет теперь за счет авиации вся жизнь огромного скотоводческого района, доселе замкнутого в неприступном почти кольце гор Алтайского хребта.

Когда, сойдя с самолета, впервые ступишь на землю, именуемую Кош-Агачем, что на выразительном языке алтайцев означает: «Простись с деревом»,— тебя охватывает именно такое непередаваемое чувство: полной отрезанности от мира. Со всех сторон видишь только горы. Они огромны и бесконечно разнообразны. Каждая сияет и флюоресцирует, отражая свет неба на свой собственный лад. Эта картина ошеломляет и завораживает; передать ее в силах только величайшие художники, такие, как Рерих, писавший здесь свои непревзойденные полотна...

В неприступных горах Кош-Агача, на альпийских лугах пасутся миллионы тонкорунных коз и овец, стада верблюдов, яки, маралы... Будучи прирожденными талантливыми скотоводами, пастухами, нынешние знатные чабаны-алтайцы выводят новые элитные породы, умножая и без того высокие доходы своих колхозов. Но их быт еще хранит черты прежней кочевой жизни, причудливо вмещая, впрочем, и новое, современное, что отнюдь не облегчает, надо прямо сказать, условия работы в Кош-Агаче, а порою делает их особенно сложными, требуя от руководителей района и любви, и заботы, и бесконечного терпения в нескончаемом их труде.

Но труд этот не пропадает даром. Он оправдывает себя сторицей.

Прилетев в Кош-Агач, мы встретили здесь секретаря Горно-Алтайского обкома партии Виктора Евгеньевича Молчанова. Вместе с секретарем Кош-Агачского райкома КПСС Владимиром Кучумовичем Сабиным они обсуждали первоочередные дела, выдвигаемые на повестку дня самой жизнью этой трудной земли, самой природой, которая все еще яростно сопротивляется всем начинаниям человека.

— Если бы каверзы здешних мест сводились только к необходимости «проститься с деревом», было бы еще полбеды,— сказали нам руководители района и края.— Но тут не только дереву трудно расти, а даже самой малой травинке... Земля таит под собою вечную мерзлоту, сохраняя ее с тех допотопных времен, когда, видимо, здесь было озеро... До сих пор оно коварно напоминает о себе. Мерзлота не пропускает на поверхность воду, ломает стены домов, вспучиваясь под половицами, и вообще капризничает, как ей вздумается, мешает людям строить и жить.

— Где же выход?...

— В поиске! В обводнении района арыками. В создании искусственных стройматериалов, которые позволят расстаться с юртой. Сейчас она все еще нужна...

Приехав в один из кош-агачских колхозов — имени 50-летия Советской власти,— мы с разрешения председателя колхоза Сесекенова зашли в ближайшую юрту, где, несмотря на жару, было свежо и прохладно. На железной печурке кипели чайники. Вдоль войлочных стен стояли кровати, устланные стегаными шелковыми одеялами; на полке, в небольшой нише, красовались телевизор и приемник. Но самыми нарядными здесь были две лакированные детские коляски со спящими близнецами, совершенно одинаковыми, как куклы. Это были седьмой и восьмой по счету сыновья чабана.

Осмотрев юрту, а потом полевой стан, мы побывали в чудесном колхозном профилактории — впору любому столичному. В течение года чабаны обязательно проходят полное обследование, отдыхают и лечатся...

— А теперь посмотрите, какой Дом культуры откроется у нас к XXV съезду партии, — пригласили нас с плохо скрытым ликованием руководители колхоза.

В будущем клубе было предусмотрено даже кафе, отгороженное от просторного фойе пестрой витражной стенкой, не говоря уж об удобной сцене, о просторной библиотеке и многих комнатах для занятий самодеятельных кружков. Все это творилось бригадой строителей с полным пониманием того, что колхозу-миллионеру нужен именно роскошный клуб.

— А где же вы работников возьмете? — осторожно спросила я у Кабду-Али Ахметовича Ахметова, заместителя предрайисполкома, ездившего вместе с нами в колхоз.

— В этом смысле мы богачи,— ответил он уверенно.— Отправляем молодежь на учебу в города за счет колхозов, а встречаем уже подготовленных специалистов, знающих, чего ждет от них родная земля. У нас в Кош-Агаче проблема миграции, пожалуй, как нигде на Алтае, решена положительно. Сегодня вечером вы увидите межколхозный ансамбль «Чуя», семь человек скоро уедут оттуда на учебу. Но тут же в ансамбль по конкурсу поступят новые парни и девушки. А уехавшие все до одного вернутся на родину. Иначе у нас не бывает. Трудную эту землю народ любит преданно и верно...

Сердечной сыновней любви к родине и были посвящены выступления ансамбля «Чуя». О ней рассказывали в танце и песнях парни и девушки, пришедшие с гор навстречу своей новой жизни, новой судьбе.

Конечно, все эти судьбы складываются и протекают по-разному. Но все они сцементированы советской новью, которая и делает их, всех вместе, такими счастливыми, независимыми... Вот, например, грациозная, обаятельная со своими прикрывающими узкие глаза длиннющими ресницами и лукавыми ямочками на щеках Джанажил Кайсанова, секретарь комитета комсомола: она будет учиться в Ленинграде, ее уже приняли в институт культуры.

— Выйдет там замуж, и прости-прощай ваша Джанажил, больше ее не увидите,— поддразнили мы Ахметова.

— Нет, она вернется. Может быть, привезет мужа на родину... Вот взгляните на Надю Сюйлешеву, в голубом; с ней рядом ее муж, Амантай Смоглумов: недавние молодожены. Надя привела Амантая в «Чую». Неубывающие кадры — у нас явление стабильное.

О хорошенькой, застенчивой Майре Битугановой нам сказали, что она сирота: ее мать умерла, оставив на попечение дочери четверых маленьких детей. Но Майра не ушла из ансамбля. Она воспитывает ребятишек, помогает отцу-фронтовику, он уже на пенсии.

— На какие же средства существует семья?

— Колхозы Кош-Агача содержат ансамбль, всех его участников, на своем обеспечении. Тем, кто уедет учиться, будут платить по-прежнему: они ведь вернутся!..

...Да, они непременно вернутся: мы теперь тоже это твердо знали.

Говорят, чтобы возвратиться на землю, которую ты крепко полюбил, надо бросить монетку в воду.

В Кош-Агаче нам встречались только орошавшие пастбища арыки. Узкие и мутноватые, созданные нелегким трудом людей, они все же были полноводны — значит, и в кош-агачский арык можно было бросить монетку.

Вспомнив об этой старой, но доброй примете, мы потом старательно кидали монетки во все большие и малые реки на своем пути, от души надеясь снова побывать на прекрасной земле Алтая.

Римма ЛИХАЧ

О ДЕВУШКАХ В СЕРЫХ ШИНЕЛЯХ

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

Взвод управления 1088-го полка. 1945 год.

Немолодая, с уставшим лицом женщина пришла в редакцию и сказала:

— Вот принесла снимки девчат из 1088-го зенитно-артиллерийского полка. Неудобно просить вас напечатать, ничего особенно героического мы не совершали, просто воевали. Но очень хотелось бы встретиться с Тоней Бойко, со всеми девушками из взвода управления полка. Я служила старшим сержантом, командиром отделения разведки. Увидят мои подруги себя в журнале и отзовутся.

Елена Васильевна, которую однополчане знали как Тихомирову, достает из сумочки фотографию.

— Красивые девушки! До щемящей боли в сердце все в них знакомо: стрижка, гимнастерка, фронтовые погоны. Такими были мои сверстницы, подруги. Хорошие лица, трогательная чистота и нежность, невзирая на солдатскую форму.

Да, быстро пролетело тридцать лет! — вздыхает Елена Васильевна. Сейчас и молодость совсем другая! Знаете, я два раза ходила смотреть «А зори здесь тихие...» и не смогла высидеть. Слезы застилают глаза. Вижу себя, наших девчонок. Почему-то вспоминается, как пошла зимой на лыжах связь восстанавливать. Иду одна, лес, каждый шорох настораживает, руки мерзнут, провод теряется под снегом. Все-таки нашла обрыв, починила. Вернулась замерзшая. Подруги ничего не спросили, только вынули мой котелок с кашей, укутанный телогрейками. Вот так сижу в кино, и плачу, и досмотреть эту замечательную картину не могу. До чего ж похожи на нас эти молоденькие, не знавшие войны актрисы! Как точно сумели понять и передать наше время!

...Наше прошлое, молодость, весна. Первая любовь, свидания, мечты. Казалось, впереди только радости. Все оборвалось вмиг. Война! Опустели квартиры. Тихо и гулко стало в институтских коридорах без ребят: ушли мальчишки на фронт. Стояло жаркое лето. В сиреневых московских сумерках не светились оранжевые абажуры. Окна сделались непривычно темными. Не стало танцев во дворе под патефон. Уходили на фронт и девчата. Первой с нашего двора надела шинель Майка Сорокина. С тонюсенькой талией, перехваченной ремнем, прошла к воротам, легко, неторопливо, так, словно на часок погулять, и больше не вернулась...

Лена Тихомирова уехала в эвакуацию с родителями. Поступила работать на завод. Там и познакомилась с Тоней Бойко. Тайком от родных девушки подали заявления в военкомат с просьбой отправить на фронт. Прошли медкомиссию. И, только получив повестки, объявили родным. Обманули: сказали, призвали. Шел сорок второй год. Назначение было в зенитный полк. Нелегко достались первые месяцы. Девчата рыли землянки. Учились стрелять. Ночью в карауле, чтоб не мерзнуть, укутаются в одеяла и стоят, словно матрешки. Попадало за это от командира. Постепенно стали настоящими солдатами.

Боевое крещение приняли под Смоленском. Отделение разведки, которым командовала Тихомирова, расположилось неподалеку от станции в коробке разбитого дома на площадке пятого этажа. Часов в одиннадцать ночи послышался гул моторов. Лучи прожекторов поймали тяжелый бомбардировщик. Открыли огонь. В это время с другой стороны зашли «мессеры». Фашистские самолеты волнами бомбили станцию. А «мессеры» пытались подавить огонь зениток. Сбрасывали зажигалки, осветительные ракеты, на бреющем обстреливали площадку зенитчиц. Ад кромешный! Из штаба полка передают: «Держитесь, девчата, скоро отобьемся».

— А мы,— рассказывает Елена Васильевна,— дело свое выполняем. Каждая следит за своим сектором неба, цель даем точно. В передышках успевали еще зажигалки тушить. Страха не было, только чувствую, челюсть дрожит, никак с ней не совладаю. Посмотрела на девчат, а у них то же самое — нервная дрожь. Ведь первый бой, кругом такая свистопляска, а от нас зависит точность огня! Часам к пяти налет прекратился. Вокруг нас все пулями прошито, а мы живы остались!

Никогда этого не забуду...

Я слушаю и смотрю на фотографию.

— Откуда они, эти девчонки, черпали такую удивительную стойкость духа на войне?

Собеседница взглянула мне прямо в глаза:

— Вспомните. Сколько ненависти к фашистам кипело в наших сердцах! Родина в крови. Погибали парни. Наши парни. Ведь тогда для нас было время любить. Моя подруга Тоня Бойко и лейтенант Зайцев были влюблены друг в друга. Мы все знали это. А они не позволяли себе даже посидеть рядом! У Зайцева всю семью фашисты расстреляли. Младшего братишку живым закопали по плечи в землю. Мальчик сошел с ума. Тоня сделалась черная, даже голос потеряла. Сидит, бывало, словно истукан, а подойти к любимому нельзя. Сами понимаете, в полку одни девушки,— строгость нужна. После войны они поженились и забрали больного мальчика к себе. Вот какая любовь у них была.

Любовь... У скольких наших сверстниц отняла ее война! Растили детей одинокие женщины, горестно вздыхая: «Был бы жив отец!»

Мы стареем. А погибшие живут в памяти молодыми, без седин, без морщинок. Таким и запомнился Елене Васильевне друг студенческих лет Николай. В начале войны они потеряли друг друга. Потом вдруг пришла от него весточка. Николай писал: «Я ищу тебя по всем городам, куда бы ты могла выехать, в надежде, что хоть одно из писем найдет тебя!» Воевали они на разных фронтах, получали друг от друга солдатские треугольники. Однажды пришел конверт со штампом части... «Пропал без вести». Ждала, искала. Ничего. В пятьдесят первом году вышла замуж. Лена Тихомирова стала Кащенко. У нее сын, дочь, внук. Когда она рассказывает о военной молодости, вспоминает подруг, то невольно сравнивает своих детей с ними. И тогда приходит мысль: не дай бог им такое, как нам. Разве они смогут...

Наши мамы тоже так думали. А их дети повторяли подвиги Матросова и Гастелло. Была Лиза Чайкина, были девчонки из 1088-го полка. Разве всех перечислишь!

Лена и ее подруги дошли до Варшавы. В новогоднюю ночь, когда в морозной синеве мерцали колючие звезды, так хотелось в тепло родного дома. И вдруг команда:

— Орудия к бою! Прорвались танки противника!

Два часа длился бой. Фашисты повернули назад. Так встретили 1945 год.

Пришел май, колдовской месяц весны. Победа!

Вспомнили девушки 1088-го ЗАПа о завивке. Два дня польский мастер крутил бигуди на девичьих головках.

Был прощальный обед. Набрали девушки малины в заброшенном саду, напекли пирожков. Получили свои фронтовые сто граммов, которые обычно заменяли им шоколадом. Но в тот вечер подняли они свои солдатские кружки и выпили, не чокаясь, за светлую память погибших.

Разъехались по домам девчонки, не совершившие ничего особенного, просто воевавшие до Победы. Сняли гимнастерки и бережно убрали их на память. Надели довоенные платьица, и началась для них гражданская жизнь. Шли годы. Бывшие санитарки стали врачами, летчицы — докторами наук, регулировщицы — педагогами, зенитчицы — ботаниками, конструкторами. Они бегут в обеденный перерыв за полуфабрикатами, вечером торопятся домой к внукам. А в День Победы они прикалывают боевые ордена и, нарядные, похорошевшие, спешат на встречу с однополчанами, на встречу со своей юностью.

СУДЬБ

Юрий ПРОКУШЕВ

...Я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Сергей Есенин

В жизни истинного поэта рано или поздно наступают дни, когда талант его щедро открывается людям, а сам он для всех неожиданно радостно, порой вызывающе дерзко входит в литературу. Проходит время, и творчество его становится неотъемлемой, драгоценной частью национальной культуры. Так было когда-то с Пушкиным, талант которого открыл Державин; с Пушкиным, чей мужественный, вольнолюбивый голос услышали декабристы, а затем — вся Россия. Так было позднее с Лермонтовым. Трагические строки «Смерти Поэта» сделали имя его всенародно известным. Затем Некрасов своим взволнованно-гневным стихотворением «Размышления у парадного подъезда» заставил содрогнуться от стыда всю честную, думающую Россию. Так было с Блоком, когда вслед за «Стихами о Прекрасной Даме» зазвучали его «Вольные мысли», а затем чеканные ямбы поэмы «Возмездие». Так было с Маяковским, поэтом эпохи Октября, призванным и мобилизованным революцией. Так было с Есениным...

Время Есенина — время крутых поворотов в истории нашей Родины. Оно отмечено и революционными баррикадами пятого года, и ленской грозой двенадцатого года, и пожаром мировой войны, и крушением самодержавия в февральские дни семнадцатого года, и октябрьским залпом «Авроры».

Мужественная, самозабвенная любовь к России, кровная связь с народной жизнью помогали Есенину — поэту и гражданину — находить свой путь к большой правде века.

От Руси полевой, патриархальной, уходящей в прошлое, ввергнутой царизмом в пучину мировой войны, к России революционной, ленинской, советской шел поэт вместе со своей страной, своим народом.

Грандиозен и прекрасен был путь великого революционного похода трудовой России в будущее. Вместе с тем он был суров, драматичен, многотруден. И далеко не каждый из писателей того времени твердо устоял на палубе корабля — России, когда разразилась революционная буря. Вспомним Алексея Толстого и его роман-эпопею об утраченной и вновь обретенной Родине. Вспомним трагедию Бунина...

Есенин не только прекрасно знал жизнь крестьянской России, он был ее сыном, болел ее болями, радовался ее радостями; всем сердцем и умом он был с крестьянской, демократической Русью в эпоху крушения старого, буржуазного мира и рождения нового, революционного,— все это объективно способствовало тому, что он смог стать истинно народным, национальным поэтом и в ярких реалистических произведениях сказать **свое правдивое слово о главных революционных событиях своей эпохи.**

Путь поэта от первых лирических стихов о родной природе до поэтической симфонии о возрожденной революцией России, прозвучавшей в «Анне Снегиной», «Песни о великом походе», «Руси советской»,— это путь смелых художественных открытий, полный творческого горения, идейных исканий, гражданского мужества.

И как глубоко и самозабвенно надо было любить Родину, какую чистую, широкую душу надо было иметь, чтобы так мужественно и проницательно сказать:

> Полевая Россия! Довольно
> Волочиться сохой по полям!
> Нищету твою видеть больно
> И березам и тополям.
>
> Я не знаю, что будет со мною...
> Может, в новую жизнь не гожусь,
> Но и все же хочу я стальною
> Видеть бедную, нищую Русь.

О некоторых характерных чертах этого будущего поэт «золотой бревёнчатой избы» с удивительной прозорливостью писал еще в 1918 году: «Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства. Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности».

Так мыслил Есенин. Кажется, что это сказано в наши дни, когда героические сыны нашей Родины смело и решительно штурмуют космические дали, а не тогда, когда на молодую Республику Советов обрушились интервенция, блокада, разруха, голод и когда даже иным писателям-фантастам Россия виделась «во мгле».

Время — самый суровый и справедливый критик, и оно ныне вывело поэзию Есенина на главную орбиту советской литературы.

Сейчас все рельефнее, все весомее, все многограннее и полнее предстают перед нами образ Есенина, его прекрасно-неповторимая судьба великого поэта и человека; все очевидней становится та истина, что творчество его занимает не только достойное место в истории советской литературы, но во всей духовной жизни нашего народа и всего человечества.

Но будем исторически точны и объективны, будем правдивы до конца. Так было, к сожалению, далеко не всегда! Не всегда так светло, радужно и достойно складывалась в прошлом гражданская судьба поэта и особенно судьба его стихов.

* * *

Чем крупнее художник, масштабнее его творчество, самобытнее талант, противоречивее его эпоха, тем труднее порой современникам до конца оценить истинный вклад его в духовную жизнь нации, раскрыть все грани его дарования.

Наносное, случайное, субъективное, словно туман в горах, может на какое-то время закрыть от нашего взора главное в творчестве художника, исказить, трансформировать его подлинный облик. Но если этот художник был истинным сыном своего народа и его действительно волновали прежде всего судьба Родины, передовые идеи века; если он постоянно чувствовал свою высочайшую гражданскую ответственность перед Отечеством; если он настойчиво стремился к реалистическому изображению действительности, к правде и только правде, то рано или поздно словесный туман всяческих «легенд» и различного рода «романов без вранья» вокруг его имени рассеется бесследно и бесславно. И тогда, подобно горной вершине, обозначится явственно и зримо его неповторимый образ.

«Я к вам приду в коммунистическое далеко́...» — мечтал Владимир Маяковский в те годы, когда наша «страна-подросток» делала первые шаги по пути к коммуне. После смерти Маяковского кое-кому показалось, что время «агиток» поэта революции прошло, что стихи его рассудочны и риторичны, а пьесы — «Клоп» и «Баня» — «не сценичны». Иные из критиков еще при жизни поэта упрекали его в том, что он не дал образ **нового (!!!)** Ленина, что его поэма о вожде — это «рифмованное обществоведение». Где теперь все эти «пророки»? Маяковский пришел в наше сегодня. Пришел, освобожденный временем и от упрощенных, вульгарно-социологических суждений о его творчестве, и от «хрестоматийного глянца» не в меру ретивых почитателей его таланта, и от попытки превратить его имя в своеобразный поэтический культ, пришел как великий поэт Октября, правофланговый поэзии социалистического реализма.

Что же касается таких выдающихся современников Маяковского, как Александр Блок и особенно Сергей Есенин, то долгое время, к сожалению, главное в их творчестве оставалось не раскрытым, не «проявленным» критикой. Более того, когда в прошлом заходил разговор о поэзии эпохи Октября, то творчество Маяковского нередко противопоставлялось творчеству Блока и еще в большей степени — Есенина. «Рассматривая его творчество (Есенина.— **Ю. П.**) в общем ряду современной поэзии, надо сказать, что Есенин, этот последний символист, выражал собой далеко не прогрессивные тенденции русской послереволюционной поэзии. Будущим читательским поколениям, несомненно, покажется странным, что Есенин,— с одной стороны, и Маяковский, Тихонов, Асеев — с другой, были ровесниками»[1].

Сказано это было одним из критиков — современников Есенина в 1927 году, без особого «нажима» на «упаднические» мотивы поэта, о чем так часто писалось в те годы. Но и этот критик, сделав ряд конкретных интересных наблюдений над языком и стилем Есенина, весьма решительно в конце своей брошюры отнес поэта «к людям уходящей культуры», противопоставив творчество Есенина новой, революционной литературе. «...С каждым годом все больше и больше вырисовывается лицо культуры Советской России,— писал он,— проле-

[1] В. Друзин. Сергей Есенин. «Прибой», Л., 1927, стр. 42—43.

А ПОЭТА

тарской России. И последний символист, Есенин, довольно скоро утратит свою популярность, хотя творчество его останется навсегда свидетельством о психическом складе людей отмершей культуры»[2].

Другие, писавшие о Есенине в ту пору, шли еще «дальше», особенно в своих суждениях о поэте и революции. «Он хотел быть вместе с революцией, но не сумел,— утверждал один из них.— Он не пошел в ногу с жизнью — и жизнь ушла от него. И он погиб». «...Иногда — очень редко,— замечал другой критик тех лет,— Есенин пытался петь в унисон с революцией. Еще реже удавалось ему облечь эти песни в хорошую поэтическую форму. В немногих социальных стихах своих он бывал обычно слаб, чувствовалась натянутость и даже фальшь. Революция скользнула мимо него, едва задев Есенина. Она многое старое разрушила в нем, но новому он не поддался, в революцию не поверил». «Есенин... по характеру своего творчества в его существенном — типичный представитель буржуазного и мелкобуржуазного упадочнического индивидуализма»[3]. «Настроения, нашедшие свои выражения в «Москве кабацкой», продиктованы, в первую очередь, потерей веры в нашу революцию, в ее смысл, в ее победу, в ее творческое, животворящее, преобразующее начало, в ее дальнейший размах»[4].

И, наконец, ряд еще более «решительных» суждений тех лет об отношении Есенина к Октябрьской революции и его историко-революционных поэмах:

«Песнь о великом походе», «Баллада о двадцати шести» и другие этого характера—бледны, бескровны, вымученны...» —писал в 1926 году А. Ревякин. «Приняв логически пролетарское руководство революцией, он ощущал бессилие воплотить это творчески»[5]. «Революции, советского города он и не нюхал. Это видно не только по «Стансам», это явствует и из других «революционных» стихов Есенина, где он обещает «пальнуть по планете». Все эти стихи неестественны, натянуты, вымученны»,— вещал тогда же А. Крученых.

Через какие же воистину «черные очки» надо было смотреть на поэта, его творчество, чтобы говорить и писать подобное об авторе «Анны Снегиной», «Песни о великом походе», «Поэмы о 36», «Баллады о двадцати шести», «Стансов», «Руси советской», «Возвращения на родину», «Кантаты», «Небесного барабанщика», «Пугачева», «Письма к женщине», «Капитана земли», «Ленина».

Сегодня нам трудно все это представить. Это кажется невероятным. Но что было, то было...

И все же оговоримся сразу — мы вспоминаем и ссылаемся на статьи о Есенине тех или иных критиков 20 — 30-х годов и цитируем их здесь и далее отнюдь не для того, чтобы кого-то из них «поучать» задним числом. Тем более, что иные из них (подобно Валерию Павловичу Друзину или Александру Ивановичу Ревякину) и ныне активно участвуют в современной литературной жизни и являются авторами содержательных литературоведческих трудов; а иных же давно и справедливо «наказало» время, предав забвению их скоропалительные и необъективные суждения о поэте и его отношении к революционной России.

Напомнить о прошлых «концепциях» и высказываниях о поэзии Есенина необходимо в наши дни для того, чтобы наглядно представить, сколь сложно и противоречиво происходило движение и развитие критической мысли, направленной на познание и выявление объективной художественной значимости поэзии Есенина в истории советской литературы, конкретно проследить, каковы были наиболее характерные тенденции в прошлом, как развивался в критике и литературоведении процесс восстановления подлинного облика Есенина как великого поэта и человека, какова была в действительности судьба его литературного наследия.

* * *

К сожалению, многие, очень многие писавшие о Есенине, особенно вскоре после смерти поэта, видели в нем прежде всего лишь «певца уходящей патриархальной крестьянской Руси», получившего в годы детства и юности «церковно-мистическую закваску». Принято было считать, что по своей «психоидеологии» Есенин — «кулацкий поэт» и «типичный лирик-индивидуалист», что конфликт «мистического певца старой Руси» с городом неизбежен: отсюда и «Москва кабацкая» и «поэтизация богемы», отсюда многие стихи Есенина, полные «мотивов отчаяния и безысходности», и наиболее постоянная их тема — «опоэтизирование хулиганства»; вместе с тем весьма настойчиво и решительно утверждалось, что стихи поэта о революции «безрадостны и худосочны», что «Стансы» Есенина «фальшивы» и что «о Марксе и Ленине Есенину, пожалуй, писать рано».

Находились критики (и таких было немало), которые вообще были готовы «отлучить» Есенина-поэта и особенно гражданина от революционной действительности.

А сколько в ту пору раздавалось «сочувственных» голосов о «драме Есенина», в которых порой звучали и явная фальшь, и ханжеское лицемерие, сколько было говорено о том, что, конечно же, природа наделила Есенина удивительным лирическим даром, но вот, дескать, «жаль», что поделаешь, сказались и среда и условия воспитания Есенина, у поэта «не было большой культуры», «образованности». Поэтому «он писал от нутра», и хотя в этом «много положительного», но в этом же «таилась и прямая опасность», ибо «творчество **от одного нутра, без надлежащей культуры** (выделено мной.— **Ю. П.**), без упорной работы над собой брало непомерно много сил». И Есенин естественно и неизбежно очень скоро растратил свои силы, свой талант. Да к тому же у него не было «целостного художественного миросозерцания. Он двойственен, расколот...», отсюда «конфликт с эпохой» и, как это ни тяжело сознавать, «неизбежная гибель» поэта.

Эта «концепция» творчества и личности Есенина, возникшая в середине двадцатых годов и весьма прочно утвердившаяся в пору «расцвета» вульгарного социологизма, имела свои крайности, свои политические оттенки.

Связано все это было самым непосредственным образом с острейшей идеологической борьбой, которая в пору становления молодого Советского государства и особенно в годы нэпа развернулась на литературном фронте между писателями, рожденными революционной действительностью, зачинателями новой, советской литературы, открыто вставшими на сторону Октября, творчески развивавшими прекрасные традиции русской классической литературы — традиции реализма, народности, гражданственности, и представителями различных литературных групп и течений, стоявшими, как правило, на позициях мелкобуржуазного формалистического искусства.

Борьба эта отражала сложный процесс формирования и развития в нашей стране новой, социалистической литературы.

Есенин, один из зачинателей советской поэзии, смог перешагнуть через всяческие «измы», оставить своих имажинистских «друзей» и повернуть в своем творчестве новаторски смело к пушкинской простоте.

В истории нашей отечественной литературы ему, Есенину, суждено было стать одним из тех могучих звеньев реализма и народности, которые навсегда духовно, нравственно, идейно, художественно соединили поэзию Советской России с великими ее предшественниками — Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, соединили в ту нелегкую для реализма пору, когда некоторые горячие футуристские, пролеткультовские, конструктивистские, имажинистские и иные головы были уже готовы навсегда сбросить писателей-классиков с «парохода современности».

Следует подчеркнуть, что в последние годы жизни Есенина в печати пусть редко, но все же раздавались здравые голоса в поддержку поэта, столь необходимую для него; в этих выступлениях звучала и озабоченность дальнейшей судьбой поэта, и искреннее одобрение, и радость в связи с решительным поворотом Есенина к пушкинским традициям, а главное — в связи с глубоким раскрытием поэтом в своих новых стихах современной темы. Здесь прежде всего следует сказать о «Предисловии», предпосланном сборнику стихов Есенина «Русь советская», изданному весной 1925 года в Баку. Дав высокую оценку таким стихам Есенина, как «Русь советская», «Песнь о великом походе», «Возвращение на родину», «Письмо к женщине» и другим, вошедшим в сборник, автор предисловия, редактор «Бакинского рабочего», видный партийный журналист П. И. Чагин подчеркивал, что ныне «Сергей Есенин — уже больше чем попутчик, он уже наш спутник»[6]. Несколько ранее «Правда» дала высокую оценку художественной силе и удивительной простоте стихов Есенина «Русь советская» и других, опубликованных в «Красной нови», отметив при этом, что «после долгих и бурных исканий» Есенин «пришел к Пушкину»[7].

Однако вскоре после смерти Есенина эти здраво звучащие голоса все более стали тонуть в потоке хулы и прямой клеветы по адресу поэта. Находились в те дни и такие «деятели», которые, подобно А. Крученых и особенно Л. Сосновскому, начисто отрицали художественное и общественное значение творчества поэта, ставя безоговорочно знак равенства между Есениным и «есенинщиной». Так, Л. Сосновский в крикливо-демагогической, и прежде всего в отношении Есенина, статье «Развенчайте хулиганство», приведя несколько

---

[2] Там же, стр. 44.

[3] Иван Беляев. Подлинный Есенин. Воронеж, 1927, стр. 50.

[4] А. Воронский. Сергей Есенин. Статья ко второму тому «Собрания стихотворений Сергея Есенина» в четырех томах. Библиотека всемирной литературы. Л., 1927, т. 2, стр. XXXIX—XL.

[5] Г. Лелевич. Сергей Есенин. «Гомельский рабочий», 1926, стр. 38.

[6] П. Чагин. Предисловие. В сб.: «С. Есенин. Русь советская». Кооперативное издательство «Бакинский рабочий». Баку, 1925, стр. 4.

[7] И. Ионов. Рецензия на журнал «Красная новь», кн. 4—5. «Правда», 1924, 24 октября.

стихотворных цитат Есенина, в высшей степени произвольно и тенденциозно истолковывая их, практически все творчество Есенина свел к двум-трем стихам «Москвы кабацкой», весьма «решительно» утверждая при этом, что поэзия Есенина — это «лирика взбесившихся кобелей»[8](!!!). Как говорят в таких случаях, комментарии излишни. Надо ли удивляться, что Сосновский в этой же статье с «радостью» сообщил читателям, что «уже прошел первый угар, вознесший этого свихнувшегося талантливого неудачника чуть ли не в великие национальные поэты. Уже вышел первый сборничек статей против есенинщины...»[9]. Круг замкнулся: Есенин, «есенинщина» для автора статьи «Развенчайте хулиганство» — понятия однозначные. И вопреки исторической правде, не желая считаться хотя бы с такими очевиднейшими и хорошо всем, в том числе и ему, известными фактами, что, помимо «Москвы кабацкой», в том же 1924 году Госиздат выпускает отдельным изданием массовым тиражом есенинскую «Песнь о великом походе», что в 1924—1925 годах выходят такие книги поэта, как «О России и революции», «Березовый ситец», «Русь советская», «Страна Советская», что Есенин — это автор и «Анны Снегиной», и «Письма матери», и «Персидских мотивов», и многих других целомудреннейших стихов, — Л. Сосновский стремится еще и еще раз замкнуть в рамки «Москвы кабацкой» всего Есенина для того, чтобы представить его «кабацким поэтом» и «доказать», что «в этом жутком логове формулируется идеология Есенина, которого (не с похмелья ли?) нарекли «великим национальным поэтом» и вывесили над Домом Печати соответствующий плакат без всякого протеста со стороны коммунистов, руководителей Дома Печати»[10].

Протест, о котором «беспокоился» Сосновский, был. Но не со стороны коммунистов Дома печати, а со стороны ряда литераторов-коммунистов, со стороны крупнейших писателей того времени, протест против хулиганской статьи Л. Сосновского и тех, кто пытался вскоре после смерти поэта писать о нем в подобном духе, безоговорочно отождествляя Есенина с «есенинщиной».

«О Есенине, оставившем нам «Русь советскую», о Есенине, который понял в конце не только величие революции, но и органическую ее необходимость для любимой им «Руси», теперь клевещут бесстыдные языки: «Он погиб потому, что на его стихи хотели наклеить марку агитпропа, а он не вынес, и вот—трагический конец». Клевета всегда вызывает отвращение и брезгливость. Клевета, которая распространяется после смерти, отвратительнее в десять раз,— взволнованно писал В. Киршон в журнале «Молодая гвардия» в январе 1926 года. — Нельзя позволить пятнать память Сергея Есенина, нельзя позволить смрадным и гниющим обломкам старого мира прикасаться к имени поэта «Руси советской»[11]. И далее: «Нет, не правы те, кто говорят, что «Москва кабацкая» возведена Сергеем Есениным в «перл создания»... Нет, не причисляйте его к певцам кабака, он им никогда не был...»[12].

Вскоре после опубликования статьи Л. Сосновского в «Комсомольскую правду» пришло письмо группы белорусских поэтов: Максима Лужанина, Петруся Глебки и других. Тогда, к сожалению, оно опубликовано не было. История сохранила этот очень важный и дорогой для всех нас, соотечественников Есенина, волнующий и поучительный документ. Вот выдержки из письма:

«В «Комсомольской правде» от 19 сентября 1926 г. № 216 помещена статья Л. Сосновского «Развенчайте хулиганство». Хулиганство,—отмечают авторы письма,—наболевший вопрос, и начатая кампания чрезвычайно своевременна и целесообразна. Но фельетонист Сосновский, что называется, «налетел». Под маской развенчивания хулиганства видно желание, которое обуревает, особенно после смерти С. Есенина, многих «писак» лить и бросать всевозможные отбросы на кудрявую голову Есенина».

«Если Есенина, — продолжают авторы письма, — нарекли великим национальным поэтом, то нарекли подлинно по заслугам, и Сосновскому придется переменить три шкуры, чтобы убавить хоть крупинку славы Есенина... Выводить идеологию Есенина из одного-двух стихотворений, не приводя их полностью и забывая «Балладу о двадцати шести», «Поэму о 36» и другие, очень опрометчиво и рискованно даже для такого «литературно грамотного» человека, как автор вышеприведенной статьи...

Обвинять Есенина в идеологических срывах нужно не с налета, а внимательно читая и анализируя его творчество, и, если он будет обвинен, то не такими «мастерами литературного дела», как Сосновский.

Выступление против хулиганства мы горячо приветствуем, но зачем пятнать имя поэта ловко замаскированной клеветой, ни в каком случае не заслуженной Есениным?

Мы, группа белорусских поэтов, посылаем настоящее письмо с целью высказать наши мысли о Есенине, как людей другой национальности.

Может быть, Есенин даже слишком горячо относился к своей Руси, но иначе он не был бы национальным поэтом.

Он внес новое, он истинный художник, надо только хорошей критике подготовить как следует читателя к изучению Есенина, а не нападать как попало, лая на разные голоса.

Далекие национальности СССР выскажутся о Есенине, потому что он великий поэт и художник, и тем самым смоют тень, наложенную неосмотрительной статьею тов. Сосновского.

«Шила в мешке не утаишь»

С товарищеским приветом: группа белорусских поэтов.

23 сентября 1926 г.
БССР. г. Минск».

Тридцать лет (!!!) письмо это пролежало в архиве. Полный текст его был опубликован нами впервые на родине Есенина в 1955 году в альманахе «Литературная Рязань».

Кроме В. Киршона, кроме группы белорусских поэтов, А. В. Луначарский, Владимир Маяковский, Николай Асеев, Владимир Ермилов, Петр Орешин, Владимир Правдухин, Сергей Городецкий, Дмитрий Благой, Иннокентий Оксенов, П. Н. Медведев и другие выступили в печати, на дискуссиях и общественных диспутах «об упадничестве и есенинщине» против тех, кто упорно не хотел видеть **принципиальной разницы** между поэзией и личностью Есенина и нездоровыми, упадническими настроениями, возникшими среди некоторой части молодежи в период нэпа.

Правда, суждения и высказывания многих авторов в «защиту» Есенина от «есенинщины» были не всегда последовательны, были противоречивы, порой полемичны по отношению друг к другу. Но следует подчеркнуть, что главный пафос всех этих выступлений и высказываний был очевиден — это решительное возражение против тенденции считать поэзию Есенина главной причиной упаднических настроений среди молодежи, протест против попытки представить поэта идейным вдохновителем хулиганства. Характерным примером в этом отношении является высказывание о Есенине А. В. Луначарского. «Обыкновенно,— отмечал он в одном из своих выступлений, — когда подходят к Есенину, к его поэзии, то прежде всего стараются доказать, что он сам был хулиган, пессимист и упадочник. Это верно, но только до известной степени. Это односторонняя и для нас маловыгодная позиция.

Мы замалчиваем, — продолжал Луначарский, — некоторые факты, которые нужны для борьбы с есенинщиной, ибо, по-моему, одним из самых крупных борцов против есенинщины должен явиться сам Есенин. Это тот человек, который совершил в некоторой степени акт большого мужества в борьбе с хулиганством.

Не нужно Есенина и есенинщину абсолютно отождествлять»[13].

Тогда же М. Горький, А. Толстой, Л. Леонов, Б. Лавренев, Д. Фурманов, А. Серафимович, А. Фадеев, многие художники слова, говоря о Есенине, его противоречиях, трагическом уходе из жизни, отмечали неувядаемую силу стихов Есенина как великого национального поэта.

«Мы потеряли великого русского поэта», — писал Максим Горький, потрясенный смертью Есенина. Он же говорил в те дни в связи с выходом первого тома Собрания стихотворений Есенина: «Какой чистый и какой русский поэт. Мне кажется, что его стихи очень многих отрезвят и приведут «в себя...» Несколько позднее Горький сообщает жене поэта С. А. Толстой-Есениной, что он работает над очерком «Сергей Есенин» и просит ее прислать «две-три наиболее бесстыдные и плохие книжки» о поэте, чтобы он мог возразить их авторам. Вскоре после этого Горький резко отрицательно отозвался о «Романе без вранья» А. Мариенгофа — воспоминаниях одного из имажинистских «собратьев» Есенина, который, будучи рядом с поэтом, не смог открыть для себя подлинного, настоящего Есенина, не сумел за деревьями разглядеть леса и исказил образ Есенина, особенно — человека. «Фигура Есенина изображена им злостно...», — с возмущением писал Горький по поводу книги Мариенгофа. Протестует Горький и против злых «ярлыков» Ивана Бунина, который, находясь в эмиграции, в своей статье «О самородках» назвал Есенина «хамом» и «жуликом»[14].

Время, естественно, внесло свои отдельные коррективы в горьковские мысли и раздумья о Есенине. Но бесспорно одно: для Горького Есенин навсегда остался великим русским поэтом.

Глубоко национальная основа поэзии Есенина всегда волновала Алексея Толстого. Об этом он прямо и неоднократно заявлял и устно и печатно. И хотя с отдельными толстовскими раздумьями о судьбе поэта во время революционных «будней» мы сегодня не можем согласиться полностью, нам дорого и близко идущее из глубины души художника его проникновенное и мудрое слово о Есенине:

«Погиб величайший поэт...

Он ушел от деревни, но не пришел к городу. Последние годы его жизни были расточением его гения. Он расточал себя.

Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души»[15].

Сказал свое слово о Есенине и старейший пролетарский писатель Александр Серафимович. В архиве писателя сохранился такой нескрываемо восторженный и принципиальнейший отзыв о Есенине, относящийся к 1926 году: Есенин, пишет Серафимович, был «с огромной интуицией, с огромным творчеством—единственный в наше время поэт. Такой чудовищной способности изображения тончайших переживаний, самых нежнейших, самых интимнейших—ни у кого из современников... Чудесное наследство»[16].

Позднее, в 1928 году, А. Серафимович, говоря об отношении Есенина к революции и городу, отмечал, что поэт оказался «между двумя историческими жерновами», что он был «чужд машине, заводу, а стало быть — рабочему, а стало быть — революции». Как видим, «концепция» о Есенине, певце уходящей крестьянской Руси, делала молча свое дело! Но и в этой заметке А. Серафимович, как и прежде, считает Есенина самобытнейшим и «самым крупным поэтом»[17].

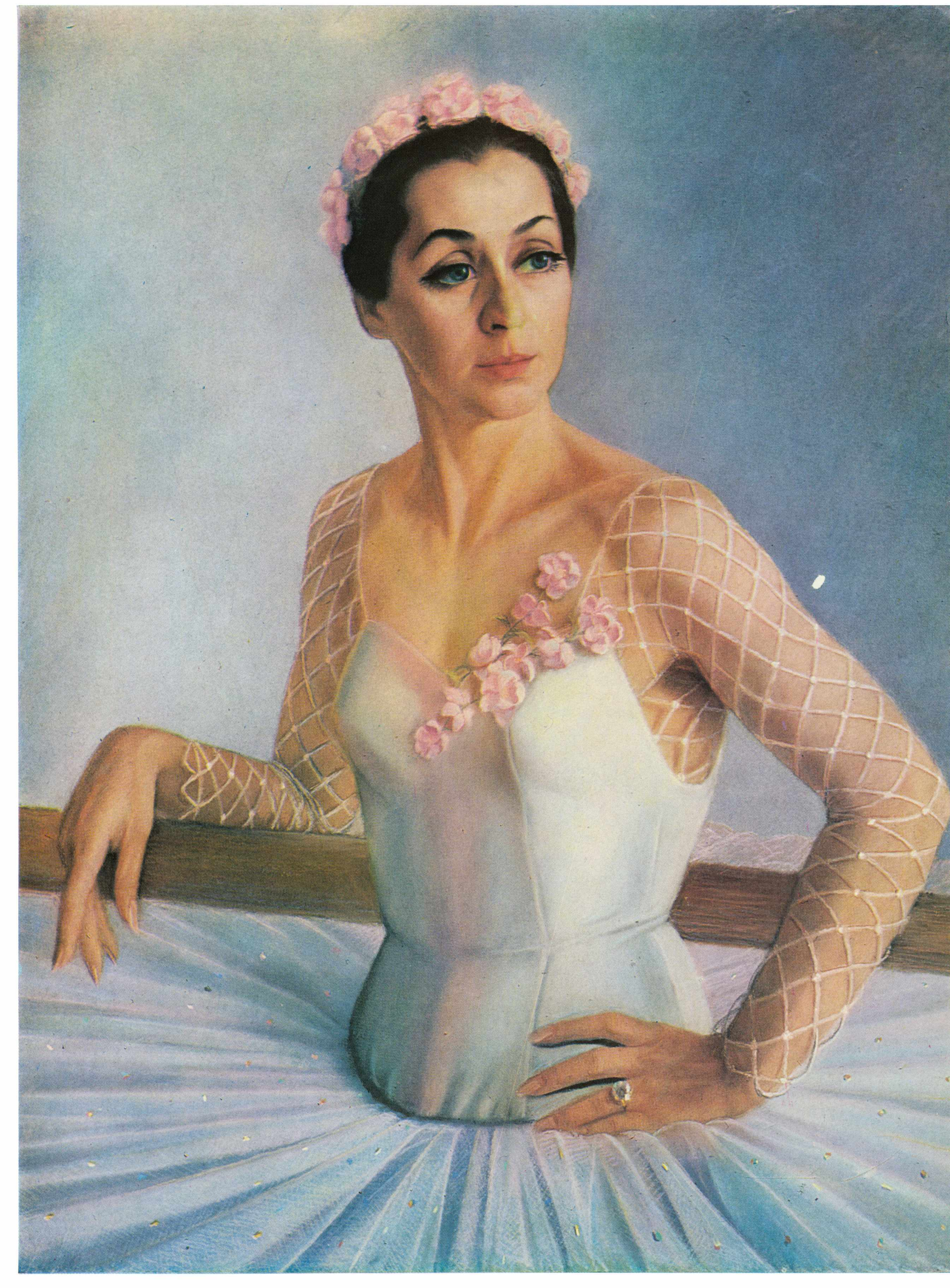
Да, наследие Есенина было действительно «чудесным», а он — «самым крупным поэтом». И далеко не случайно Госиздат вскоре после смерти Есенина вместо трехтомного собрания стихотворений, которое было подготовлено

---

[8] Л. Сосновский. Развенчайте хулиганство. «Комсомольская правда», 1926, № 216, 19 сентября.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] В. Киршон. Сергей Есенин. «Молодая гвардия». 1926, № 1, стр. 216.
[12] Там же, стр. 225.

[13] Упадочное настроение среди молодежи «есенинщина». Сб. ст. М., Комакадемия. 1927, 160 с. То же в кн.: А. В. Луначарский. Статьи о советской литературе. М., 1958, стр. 438.

[14] М. Горький. Письма к А. П. Чапыгину от 17 июня 1926 г., к Д. А. Лутохину от 21 сентября 1927 г., к С. Н. Сергееву-Ценскому от 20 октября 1927 г. (В кн.: М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, стр. 470; т. 30, стр. 37; стр. 41).
[15] Алексей Толстой. Сергей Есенин. «30—дней», 1926, № 2, стр. 18.
[16] А. С. Серафимович. С. А. Есенин. В кн.: «А. С. Серафимович. Сборник неопубликованных произведений и материалов», М., 1958, стр. 313.
[17] А. Серафимович. В Сормове. «Октябрь», 1928, № 8, стр. 166—167.

А. Шилов. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР Н. В. ТИМОФЕЕВОЙ. 1974.

А. Шилов. ПОРТРЕТ ОЛИ. 1974.

АВТОГРАФ ЗЕБИНИСО

Виталий ЗАСЕЕВ

Таджикская девушка Зебинисо Рустамова готова обнять весь мир. Она охотно дает интервью и не скрывает радости: еще бы — чемпионка мира! Зебинисо вернулась из швейцарского городка Интерлакена, с чемпионата мира по стрельбе из лука. Свыше ста соперниц из 27 стран встретились в этом городке.

Зебинисо Рустамова! Я не видел, как она стреляла в Интерлакене, но хорошо помню ее прошлогоднее выступление на международной встрече в Москве. Улыбчивая, общительная, Зебинисо становилась замкнутой, отрешенной от всего окружающего, когда судья вызывал участниц на линию стрельбы. Неторопливо, с видимым удовольствием готовила она стрелу, мягко растягивала тетиву, словно вслушиваясь в ее «голос». Когда стрела плавно, точно в замедленной съемке, сходила со струны, глаза девушки как бы гипнотизировали ее полет. Зрители были немало удивлены, когда узнали, что приглянувшаяся им участница соревнований под номером «7» никого не побеждала на крупных соревнованиях.

Вот что говорит сама Зебинисо:

— Мне еще надо много работать, чтобы добиться совершенства. Я ведь всего пятый год занимаюсь спортом. А до этого...

Крохотную «персидскую» девочку, как называли Зебинисо в школе (она лучше других отвечала на уроках персидского языка), никто не принимал всерьез в секции лучников. Уж больно маленькая и хрупкая.

— В детстве я часто болела,— вспоминает Зебинисо, — и мне всегда казалось: дунь ветер покрепче — улечу я за горы и моря. Но в нашей семье к спорту относятся с восточным почтением. И хотя поначалу родным казалось, что стрельба из лука не девичье занятие, позже они смирились с этим, решив, что уж лучше мне, как говорил Саади, «месить руками расплавленное железо, чем стоять со сложенными на груди руками».

Пятеро нас детей в семье — четыре сестры и брат. Самая старшая, Мехринисо, занималась гимнастикой, плаванием. Это помогло ей стать чемпионкой республики по... национальным танцам. Вторая сестра, Зулфинисо, увлекалась игровыми видами спорта и оказалась в числе призеров на конкурсе... вокалистов. Брат тоже никогда не уходит из дома по утрам без зарядки: гантельная гимнастика, бег, подтягивание на турнике. Что касается самой младшей из нас, Нуринисо, то о ней, я надеюсь, еще услышат читатели «Огонька». — И Зебинисо загадочно улыбнулась. Потом, помедлив немного, она заговорила снова, как бы вслух размышляя: — А я «месила железо». Помню, в первый свой приход на стадион даже лук не могла удержать на вытянутой руке. А с растягиванием тетивы и подавно ничего не получалось. Спасибо, первый мой тренер, Виктор Пряхин, был терпелив и настойчив. Стрелы летели мимо мишени, а он как ни в чем не бывало повторял слова Мирзы Бедиля: «Где воля напрягается, как тетива, там муравей одолевает льва». «Муравьем», по мнению В. Пряхина, была я, а «львом» — за 70 метров от линии стрельбы установленная мишень. Для того, чтобы стрела пролетела такое расстояние и попала в цель, надо иметь немало силы. И я часами отрабатывала технику, до изнеможения растягивала тетиву лука.

Как-то мой учитель принес на стадион свежие газеты, и я впервые увидела портрет Эммы Гапченко, которая только что стала абсолютной чемпионкой мира с астрономической по тем временам суммой многоборья — 2380 очков. Долго разглядывала красивую, такую уверенную в себе спортсменку. В тот день я тренировалась дольше обычного, и в последней серии пять стрел легли в «десятку».

Это было в 1971 году. А уже через год Зебинисо Рустамова выполнила норму мастера спорта международного класса. Ее показывают по телевидению, о ней пишут все республиканские газеты, а она, точно потеряв всякий интерес к стрельбе из лука, является на тренировки с... учебниками истории, литературы, английского языка и, устроившись где-нибудь в сторонке, штудирует страницу за страницей, изредка поглядывая в сторону стреляющих.

— В тот год я закончила среднюю школу и решила поступить на историко-филологический факультет Душанбинского пединститута, — рассказывает Зебинисо. — И мне больше всего хотелось бы на вступительных экзаменах попасть в «десятку».

Сидя на стадионе и наблюдая, как тренируются ребята, мои товарищи по команде, я читала о походах гуннов и мысленно уносилась в глубь истории, представляя себе этих искуснейших лучников армии Атиллы, которые, вихрем проносясь на лошадях, могли поражать стрелой любую цель. В другой раз я оказывалась свидетельницей поединков стрелков из лука при дворе английского короля Эдуарда IV, и мне самой хотелось померяться с ними силами. Все экзамены я сдала на пятерки и накопила такое количество нетерпения, так соскучилась по своему луку, что чуть ли не сутками готова была тренироваться.

Постепенно о Рустамовой начинают говорить не только в Таджикистане. Зебинисо принимает участие во многих крупных соревнованиях, уверенно «обстреливая» многих признанных лучниц. И все же она редко бывает собой довольна, так как знает, что может стрелять лучше.

— Так бывает, когда хорошего спортсмена подавляет ответственность поединков, — говорит старший тренер женской сборной страны по стрельбе из лука Арсен Балов. — Бойцовский же характер Зебинисо постоянно требовал проверки высоким рангом соревнований. На прошедшей Спартакиаде народов СССР Рустамова заняла 4-е место в личном зачете, и тренерский совет решил включить ее в основной состав сборной страны на предстоящий чемпионат мира. Зебинисо оправдала доверие. В многоборье — стрельбе на дистанциях 30, 60 и 70 метров — она была первой. Малую бронзовую медаль добыла Рустамова и на 50-метровой дистанции, набрав в сумме многоборья 2465 очков. Это больше, чем набирали победители предыдущих чемпионатов мира. И можно с уверенностью заверить, Зебинисо еще скажет свое слово.

Огромное зеленое поле усыпано мечтательными ромашками. Здесь, в Новогорске, под Москвой, тренируются ведущие лучницы страны. В списке фамилии: Ковпан, Гапченко, Ласаберидзе, Коваленко... Напротив фамилии Рустамовой указано имя — Зебинисо.

— Такое уточнение необходимо, — поясняет нынешний тренер чемпионки мира Валерий Панжин. — Ведь в семье Рустамовых подрастает еще одна чемпионка, 18-летняя мастер спорта Нуринисо, которая вскоре сможет замахнуться на рекорды старшей сестры.

Я рассказываю об этом Зебинисо, и она заразительно смеется.

— Пусть будет так, — говорит она, — только вначале я постараюсь выиграть Олимпиаду в Монреале, даже если мне придется соревноваться со своей сестрой.

Перед тем, как расстаться с Зебинисо, я прошу новую абсолютную чемпионку мира оставить на память свой автограф. Девушка достает из пачки новенький, пахнущий краской лист с мишенью и решительно направляется к стенду. Прикрепив его, она отходит на пятьдесят шагов и неторопливо поднимает лук. В ее колчане 9 стрел. Я успеваю подумать, что столько же букв в фамилии Рустамовой. Раздается знакомое пощелкивание ударяющейся стрелы о плотный лист ватмана; одна, вторая, третья... Наконец Зебинисо возвращает мне мишень. Ни единой «помарки» вокруг, ни единой царапины на листе. И только в самом центре желтого «яблочка» девять четких отверстий.

еще при жизни самим поэтом, решает выпустить полное собрание его стихотворений. «Известия» в те дни сообщали: «В целях увековечения памяти Сергея Есенина Государственное Издательство решило развернуть это (трехтомное.— **Ю. П.**) уже находящееся в печати издание в «полное собрание сочинений» Есенина, включая и прозу. Первый том, в который входят лирические стихотворения, выйдет в свет в конце января; второй и третий томы — в течение февраля. Сейчас уже приступлено к составлению четвертого тома...» Это были знаменитые ныне четыре есенинских томика с березками, которые в наши дни стали библиографической редкостью.

Писатель Дмитрий Фурманов, участвовавший в подготовке к изданию «Собрания стихотворений» Есенина (в те годы он работал в Госиздате), записывает после смерти поэта в дневнике: «...большое и доброе мы все потеряли. Такой это был органический, ароматный талант, этот Есенин, вся эта гамма его простых и мудрых стихов — нет ей равного в том, что у нас перед глазами» [18]. Он же, Фурманов, в другой своей записи указывает, что «симпатии к Советской власти» Есенина особенно сильно видны и проявлены в «Руси советской», «Возвращении на родину», «Персидских мотивах», «Анне Снегиной», однако при этом замечает, что «в его миросозерцании не сведены концы с концами» [19]. В этих в основе своей важных и интересных суждениях Фурманова опять-таки кое-где слышатся отзвуки все той же пресловутой «концепции» двадцатых годов о поэте, судьба которого якобы неотделима от прошлой, патриархальной Руси.

Всего лишь попутчиком восставшего народа виделся Есенин в те годы и молодому Александру Фадееву, активно связанному с РАППом. «Есенин,— подчеркивал он,— был и остался попутчиком революции». Однако и он отмечал, что Есенина по-настоящему волнуют человеческие чувства и переживания [20].

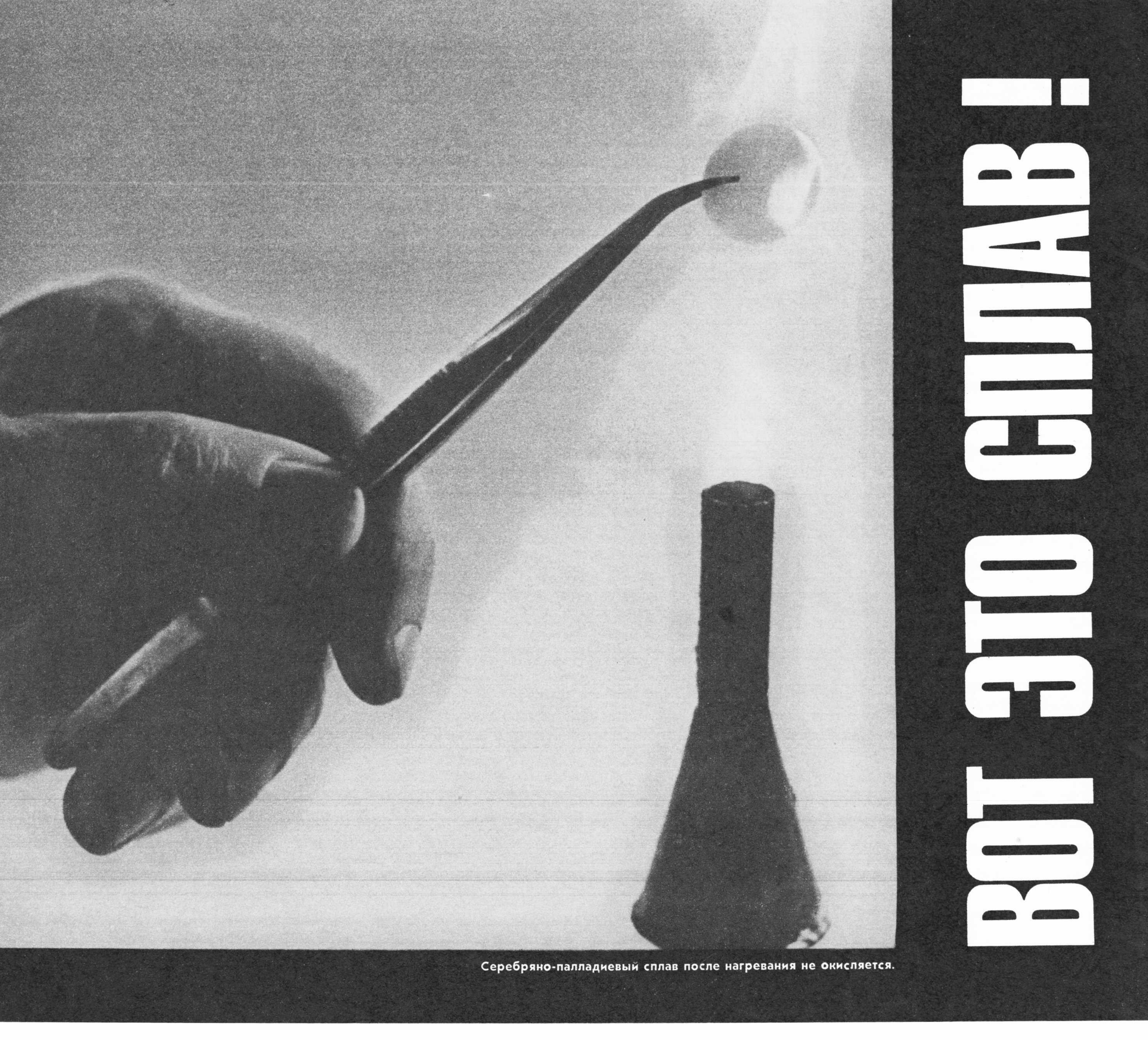
Окончание следует

[18] Д. Фурманов. Сергей Есенин (из дневника).— В кн.: «Русские писатели о литературном труде», т. 4. Л., 1956, стр. 708—709.

[19] Д. Фурманов. Есенин (черновой автограф). Там же, стр. 708.

[20] А. Фадеев. За Трам и против «трамчванства». «На литературном посту». 1929, № 20, стр. 6—8.

ВОТ ЭТО СПЛАВ!

Серебряно-палладиевый сплав после нагревания не окисляется.

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Какие у вас зубы? Хорошие или плохие? Красивые или некрасивые? Эстетика тоже имеет значение. А главное — здоровы ли они у вас, не причиняют ли беспокойства? Все это — заботы стоматологов, среди которых немало больших ученых. К одному из них меня привели недавно журналистские пути-дороги. И вот каким образом. Дело в том, что с приятельницей приключилась такая неприятность: заныл под коронкой зуб. По известной поговорке «заговорить зубы» ничего не получилось, пришлось идти в поликлинику. Коронку сняли, зуб подлечили и предложили на него надеть новую. Но не стальную, а из какого-то другого, чудодейственного серебристого сплава. Меня заинтересовало: кто придумал новый сплав и где он делается? Отправилась в Московский стоматологический институт, к профессору В. Ю. Курляндскому.

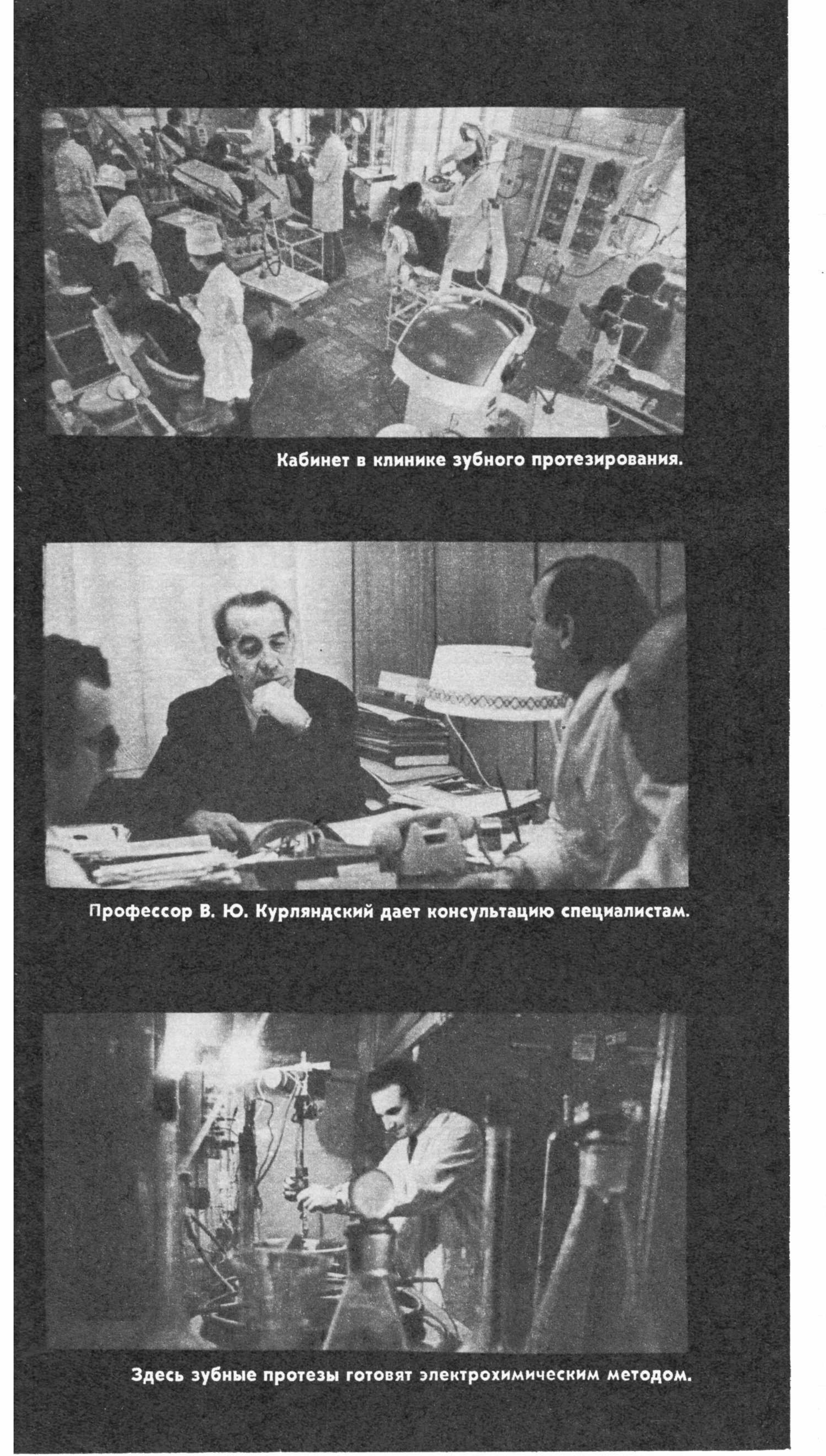
...Каляевская, 18. В глубине двора старинное здание с современной пристройкой. Внизу, на первом этаже, кафедра ортопедической стоматологии. Я обратила внимание на фотографии, рассказывающие о достижениях кафедры. Она воспитала десятки докторов и кандидатов наук, доцентов и ассистентов, работающих ныне во всех республиках страны. Заведует кафедрой заслуженный деятель науки, доктор медицинских наук Вениамин Юрьевич Курляндский.

Беседа наша началась с неожиданного для меня вопроса:

— Вы никогда не задумывались над тем, что наши зубы представляют собой своеобразное депо?— Профессор взял со стола розовую пластмассовую модель челюсти человека.— Вот посмотрите, обыкновенная пломба, она сделана из амальгамы, сплава меди с ртутью. В его составе по крайней мере два металла. Рядом с запломбированным зубом — стальной, из нержавеющей стали. Тут уже почти половина таблицы Менделеева: не только железо, но и марганец, цинк, олово, молибден, висмут, серебро, никель.

— Чем же это плохо? Можно не пить минеральной воды!..

— О ней речь у нас пойдет потом. Сначала расскажу о случае, который, как анекдот, ходит среди стоматологов. На посту стоял милиционер. Только он поднес ко рту свисток, чтоб просигналить пешеходу, нарушившему правила уличного движения, как... ощутил удар в челюсть, хотя поблизости никого и не было. Что же произошло? Во рту у постового, оказывается, было два зубных протеза, сделанных из разных сплавов. Создалась разность по-

Кабинет в клинике зубного протезирования.

Профессор В. Ю. Курляндский дает консультацию специалистам.

Здесь зубные протезы готовят электрохимическим методом.

тенциалов: слюна — своеобразный электролитический раствор. Словом, нечто вроде батареи карманного фонарика. И стоило замкнуть клеммы этой «батарейки» свистком (а он был из свинца), как возник электрический разряд. Удар током. Ощущение, конечно, не из приятных, хотя и кратковременное. Но если эту историю рассказывают как анекдот, то вот история подлинная.

Профессор подошел к шкафу и достал папку с историей болезни.

— Больная Д. поступила в нашу клинику через месяц после того, как ей были наложены мостовые протезы из стали. Она жаловалась на боль и жжение в языке, сухость во рту, головную боль. При обследовании выяснилось, что между мостами возникают очень сильные, до 60 микроампер, микротоки. Заметьте, что чем больше во рту стали, тем токи сильнее. Особенно если протезы делались в разное время. Пришлось протезы из стали снять, выполнить их из другого металла — спецсплава. Боли исчезли, и никаких жалоб больше не поступало. Этот классический пример — его часто приводят наши преподаватели студентам — говорит о том, что далеко не безразлично знать, из чего и как сделаны наши зубы.

Из двухсот обследованных нами больных, имеющих коронки и различные протезы из нержавеющей стали, сто тридцать четыре жаловались на различные недуги. Специалистам стало очевидно, что стальные протезы просто-напросто небезвредны. Кроме того, у них много других недостатков. Нержавеющая сталь нетехнологична, трудно поддается обработке, из нее очень сложно делать протезы, и получаются они далеко не изящными, теряют свою ювелирность. И, прямо надо сказать, не украшают человека.

— Если я не ошибаюсь, первая опытно-штамповочная мастерская для производства кламмеров и зубов из стали была создана в двадцать девятом году — и кто бы мог подумать! — на «Уралмаше». Металл для нее впервые выплавили златоустовские сталевары. С тех пор прошло сорок шесть лет, и все это время у нас делались, да и сейчас еще делаются, протезы и коронки из нержавеющей стали. Как это рассматривать?

— В первое время нержавеющая сталь была принята как панацея от многих бед. Еще в тридцать втором году она позволила сэкономить до полутора тонн золота. Сейчас на наши нужды потребовалось бы золота в пятьдесят раз больше. Но уже давно клинические наблюдения вскрыли отрицательные свойства нержавеющей стали, о которых я говорил. Начались поиски других сплавов. Мы учли немалый опыт отечественной и зарубежной стоматологии. Какие только сплавы не предлагались: на основе алюминия, серебра, меди, железа, цинка, покрытие неблагородных металлов золотом и хромом... Мы остановились на серебре и палладии — на двух главных составных элементах нашего сплава. Палладий относится к группе платиноидов. Входит в наш сплав и сама платина.

— Простите, пожалуйста, Вениамин Юрьевич, а кто это «мы»?

— Авторское свидетельство Госкомитета по открытиям и изобретениям было выдано Ивану Авдеевичу Андрющенко, директору Московского завода по обработке специальных сплавов, Евгению Алексеевичу Иванову, начальнику лаборатории, Иосифу Александровичу Красносельскому, главному инженеру этого завода, и мне. Завод пошел навстречу нашему институту, создал специальную лабораторию. За четырнадцать лет были составлены сотни рецептов сплавов, из них десять лучших апробированы. Большую помощь оказал нам также Институт тонкой химической технологии имени Д. И. Менделеева. Таким образом, успех современной стоматологии обеспечен на стыке медицины, металлургии и химии.

— Вероятно, ваш выбор не случайно пал на благородные металлы. Давно известно, что «святая вода» в храмах не покрывается плесенью именно потому, что работники культа держат ее в серебряных сосудах и поступает она по серебряным трубам. Это же не случайно?

— Разумеется. Серебро в отличие от железа возбуждает очень слабые токи и в то же время обладает высокими бактерицидными свойствами, что очень ценно. Палладий же абсолютно безвреден, прочен и в агрессивной среде полости рта не подвергается коррозии — разъеданию щелочами и кислотами. Соединенные вместе палладий и серебро удобны для зубопротезной техники, хорошо подвергаются обработке. Поэтому мы на них и остановились. Не менее важен и экономический эффект: наш сплав в десять раз дешевле золота.

— Что показала клиника применения серебряно-палладиевых сплавов?

— Результаты очень радуют нас. Данные кандидата медицинских наук Лидии Дмитриевны Гожей, врачей Валентина Александровича Хватова и Игоря Леонидовича Зинкевича из больницы МПС говорят о том, что, варьируя содержание серебра и палладия, можно воздействовать на микрофлору, находящуюся во рту человека и вообще в его организме. В самом начале нашей беседы я говорил вам, что зубы человека из сплава металлов образуют нечто напоминающее депо. Отсюда, подобно поездам, следующим в разных направлениях, микроэлементы проникают в органы человека и могут приносить или пользу, или вред. Когда речь шла о протезах, о стальных коронках и пломбах из амальгамы, я забыл упомянуть еще об одном отрицательном их свойстве: у всех больных, наблюдавшихся нами в течение четырех лет, — это была группа в двести человек, — отмечалось расстройство желудочно-кишечного тракта. В то же время серебро со своей способностью приостанавливать рост или даже убивать бактерии действует благотворно. Отмечено, что состояние больных язвой желудка, двенадцатиперстной кишки, а также гастритом значительно улучшается, если они пользуются протезами из серебряно-палладиевых сплавов. Известно положительное действие «серебряной воды» при хронических тонзиллитах, ангинах, воспалении среднего уха. А тут она постоянно во рту. Кстати, о воде, о минеральных водах. Вы этого вопроса коснулись вначале. Действительно, в зубопротезные сплавы иногда входят те же микроэлементы, что и в лечебные воды. Врач-терапевт, назначая, скажем, боржоми, ессентуки или другую воду, должен посоветоваться со стоматологом.

Мы начали первое испытание нового сплава в детской клинике. Мне думается, следует ожидать высокую эффективность его и при лечении некоторых форм ревматизма. Профессор С. И. Бабичев использует тончайшую проволоку из серебра и палладия в хирургии как шовный материал, не вызывающий гнойных послеоперационных осложнений.

— Как отнеслось к новому сплаву Министерство здравоохранения СССР?

Профессор Курляндский раскрыл папку и достал из нее приказ министра здравоохранения СССР Б. В. Петровского от 9 октября 1974 года. Я прочла этот приказ. Он обязывает министров здравоохранения союзных республик, заведующих краевыми и областными отделами здравоохранения организовать в поликлиниках изготовление зубных протезов из серебряно-палладиевых сплавов. В приложении названы пятьдесят городов — от Риги до Иркутска, от Архангельска до Ташкента и Ессентуков. Есть в этом приказе и такие строки: «Обеспечить снабжение стоматологических учреждений указанными сплавами... Провести декадники для врачей и зубных техников по изготовлению зубных протезов из серебряно-палладиевых сплавов».

Приказ этот выполняется. Институт провел пять семинаров для специалистов. В ряде городов новый сплав применяется уже полным ходом.

Похищение

Евгений ДУБРОВИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

У нашей с Рисом мамы, то есть, конечно, у моей жены, а у Рисовой мамы, сплошные заседания и совещания. Наша мама приходит с работы совсем поздно, уходит совсем рано, и мы с Рисом видим ее не очень часто.

Рис — это наш сын. Собственно говоря, настоящее его имя Борис, а если быть точным, то Рис-Барбарис — так во дворе зовут его ребята.

Во время традиционного воскресного обеда все и начинается: бабушка кладет на стол вилку или ложку в зависимости от того, что у нее в этот момент находится в руке, а потом жалостливо гладит по голове Риса.

— Посмотри на своих папу и маму, посмотри. Хоть в воскресенье увидишь родителей.

— Я беспризорник! — объявляет вдруг Рис.

— Перестань, глупышка,— говорит бабушка.— Какой же ты беспризорник? У тебя все-таки есть папа и мама.

— У меня нет папы и мамы,— возражает Рис.

— Нет, у тебя есть папа и мама,— продолжает настаивать бабушка.

— Не-т-т-у-у-у...— тянет Рис фальцетом и запускает пятерню в большую красную розу на торте.

— Меня нашла в капусте бабушка, а не мама,— вдруг ляпает Рис.

Приблизительно в этом месте мама не выдерживает первой, потому что из всех нас у нее самые слабые нервы.

— Это черт знает что! — кричит мама и бросает на стол какой-нибудь предмет сервировки.— Когда это кончится?

— Это кончится тогда, когда у ребенка будут отец с матерью,— немедленно отвечает бабушка.— Один на соревнованиях, другая на заседаниях, а ребенок беспризорный! Правду он говорит!

— Это не ваше дело!

Дедушка пытается помирить бабушку и маму. Лицо у него становится как у дипломата. Дедушка произносит речь, которая почти всегда состоит из следующих слов:

— Ну хватит... хватит... в самом деле...

С бесстрастным лицом дедушка качает головой, даже пытается умиротворяюще дотронуться рукой до мамы и бабушки, но его дипломатические усилия не приносят никакого результата. Перепалка все разгорается.

Когда она достигает апогея, Рис вдруг кричит:

— Тихо! Прекратить базар!

За столом мгновенно воцаряется тишина. Все уже неоднократно слышали это от Риса, но он неизменно производит впечатление.

Я самый спокойный человек в семье, потому что являюсь борцом и утром и вечером обливаюсь холодной водой. Но, по-моему, никто, даже борец, не вынесет из уст пятилетнего младенца слов: «Тихо! Прекратить базар!».

— Выйди из-за стола,— спокойно говорю я.

— Ым,— отвечает Рис, замахивается на меня локтем и по уши залезает в торт. Он ощущает мощную молчаливую поддержку бабушки.

— Выйди! — еще спокойнее говорю я.

— Ым! — отвечает Рис невнятно, так как его рот до отказа забит тортом.

— Даже в воскресенье не дают ребенку нормально поесть,— говорит бабушка.

— Ты посмотри, кем они его сделали! — кричит мама, обращаясь ко мне.— Это же законченный нахал!

Я и сам вижу, что это законченный нахал.

— Выйди! — еще раз говорю я по-прежнему спокойно, но по моей спине уже пробегают мурашки, как всегда бывает на соревнованиях перед решающей схваткой.

— Ну, хватит... хватит... в самом деле...— говорит дедушка. И непонятно, на чьей он стороне.

Побеждаю, конечно, я, потому что у меня первый разряд по классической борьбе. Я просто-напросто выдергиваю нахала из-за стола, как редиску из грядки, отношу в спальню и кидаю на кушетку.

— Ой-ёй-ёй! — вопит, брыкаясь, Рис. — Он мне руку отвинтил!

— Ну, хватит... хватит... в самом деле...— говорит дедушка, слегка повысив голос, и непонятно, на чьей он стороне.

Воскресный обед безнадежно испорчен. Скатерть на столе скомкана, по комнате разбросаны куски торта.

Мы с мамой демонстративно собираемся в кино. Бабушка и дедушка уезжают домой.

— Поедем, Рисок, к нам,— говорит бабушка Рису.— Нет у тебя родителей.

— Пусть не возвращается! Нам такой ребенок не нужен! — говорит мама.

— И не вернусь! — кричит Рис.— Бабуся, одевай меня!

— Будешь жить у нас, внучек,— говорит бабушка, утепляя своего любимца шерстью, нейлоном и мохером.

— Когда-нибудь мы останемся с тобой один на один,— обещаю я, пытаясь из мохера выудить Рисово ухо. Бабушка немедленно подгребает под себя внука.

По дороге в кино мы с мамой говорим о Рисе.

— Это все ты. Распустил ребенка,— говорит мама.

— Наоборот. Виновата ты. Совсем не занимаешься ребенком,— говорю я.

— Ты отец. Ты должен быть авторитетом для сына, а он тебя в грош не ставит,— говорит мама.

— А ты мать. Ты должна его учить всему. Бери пример с волчицы. Как она натаскивает своих волчат,— говорю я.

Совет брать пример с волчицы всегда сердит маму.

— Ах, вот как! Значит, я хищница?

— По логике вещей.

— Я это знала...— Мама начинает тереть глаза.— Я давно догадывалась, что ты меня за человека не считаешь.

— Но ты ведь сама начала... Будь же логичной до конца.

Но мама не хочет быть логичной до конца.

— Теперь я окончательно убедилась,— говорит она.

На этом мы расстаемся. Мама едет к своим родителям, а я еду на тренировку в спортивный зал. Там, кидая через себя чучело с опилками, немного успокаиваюсь.

Тем не менее вечером мы все опять в сборе. Сначала все дуются друг на друга, смотрят исподлобья (за исключением, конечно, дедушки, который, как всегда, сидит с личиной дипломата), обмениваются репликами. Но постепенно натянутые отношения между мамой и бабушкой и между Рисом и мамой переходят в прочный мир, потом в горячую дружбу, и вскоре все заканчивается перекрестными поцелуями. Дедушка, оказывается, все время был на стороне Риса. Он катает Риса на спине, позволяет дергать себя за нос, накручивать на пальцы волосы. Причем это, видно, доставляет дедушке величайшее наслаждение, так как с его лица не сходит блаженная улыбка.

Только я один не иду на всеобщее перемирие, и это окончательно сплачивает всю семью. Мама, Рис, дедушка и бабушка закрываются на кухне и приступают к чаепитию. Оттуда доносится гвалт, из которого ничего нельзя понять, но я представляю себе всю картину. Рис возлежит на бабушкиных коленях в позе римского императора, а бабушка, мама и дедушка пичкают его тортом, печеньем, шоколадом, вафлями, вареньем...

— Я это не люблю! — доносится до меня голос Риса, невнятный потому, что его рот забит до отказа.

Я лежу в спальне на диване и читаю газету «Советский спорт», но наконец не выдерживаю и иду на кухню.

— Это когда-нибудь прекратится? — спрашиваю я, стараясь быть спокойным.

— Иди, иди, сынок, не волнуйся. Почитай газету,— говорит бабушка.— Ребенку надо покушать. Мы никогда ему не даем спокойно покушать.

— Ребенку в самом деле надо поужинать,— говорит мама.

— Мне надо поужинать! — кричит Рис.

— Вылезь из-за стола! — говорю я.

— Ым! — Рис наставляет на меня локоть.

— Ну хорошо,— говорю я.— Когда-нибудь он все-таки попадет ко мне в лапы. Я сделаю из него человека.

Я ухожу в спальню, ложусь на диван, и начинаю читать «Советский спорт», и только через некоторое время замечаю, что держу газету вверх ногами.

— Он очень нервный,— доносится до меня голос мамы.

— Он просто переутомляется на своих тренировках,— говорит бабушка.

— Ну хватит вам... хватит,— говорит дедушка.

— У него очень бледный вид,— говорит бабушка.

— Ему не надо тренироваться по воскресеньям,— говорит мама.

— Ты плохо за ним следишь,— говорит бабушка.— У него всегда мятые брюки. Ему надо пить корень валерианы. Почему ты не достанешь ему корень валерианы?

— В самом деле! — говорит дедушка.

— Я завтра же начну искать корень,— говорит мама.

— А еще лучше хвойные ванны,— говорит бабушка.

— Он слишком много читает «Советский спорт»,— говорит мама.— С ума можно сойти. Бедненький. Мы галдим, а ему отдыхать надо. У него скоро соревнования...

— Он весь в синяках,— говорит бабушка.— Ему необходимо серьезно лечиться, а не бо-

роться. Надо хоть на время запретить ему заниматься борьбой.

— В самом деле,— говорит дедушка.

Они начинают вовсю жалеть меня, словно я уже окончательный инвалид. Я комкаю газету, бросаю ее на кушетку и еду на стадион, чтобы посмотреть соревнования и немного успокоиться.

Эта история повторяется каждую неделю.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАШЕЙ МАМЕ

Наша мама немного загадочная, так как работает в «ящике», то есть в секретном научно-исследовательском институте. Иногда, когда мы выходим из дома вместе, я провожаю маму до стеклянных дверей серого здания с черной вывеской, на которой золотыми буквами написано: «Научно-исследовательский институт». А что за институт, не сказано. И мама никогда про него ничего не рассказывает. Настолько он секретный.

— Если бы это был не ты, а кто-нибудь другой,— говорила мама в ответ на мои расспросы,— я бы подумала, что ты шпион.

И все-таки, хоть я и не был шпионом, мне очень хотелось узнать, чем занимается мамин институт. Что это за жизнь, если не знаешь, что делает твоя собственная жена?

Наша мама — инженер по горячей обработке металла. Но на работу мама собирается словно в театр: элегантный костюм, туфли на платформе «коровье копыто», сложная прическа, французские духи. Возвращалась мама точно такой, какой уходила. Когда я время от времени спрашивал маму, почему она не получает никаких производственных травм, хотя занимается горячей обработкой металла, мама загадочно отвечала:

— Ты думаешь, горячая обработка металла и есть горячая обработка металла?

— Нет, конечно... Но однако... Скажи хоть чуть-чуть... Намеком. Я пойму.

— Если бы ты был не ты, а кто-то другой,— говорила мама уже с некоторым раздражением,— я бы подумала, что тебе нужны сведения о нашем институте.

Я замолкал, так как в нашей семье мама самая раздражительная и мы все бережем ее здоровье.

Особенно много волнений у мамы накануне симпозиумов и теоретических конференций по горячей обработке металла.

— Все уже себе сшили новые костюмы,— говорит мама нервно.— Одна я буду в старом.

— Сшей и ты себе,— говорю я.

— Я себе сшить не могу,— отвечает мама раздраженно.

— Почему? — удивляюсь я.— Возьми и сшей.

— Потому что у всех мужья как мужья, а ты борец.

— Ну и что из этого?

— Ты ешь одно мясо! У нас большая часть зарплаты уходит на продукты.

Я смущенно замолкаю, потому что действительно ем почти одно мясо.

— Могу перейти на хек,— говорю я виновато.— Хек — прекрасный заменитель мяса.

— Ну что ты,— говорит она, гладя меня по плечу.— Ешь мясо на здоровье. Надо сократить расходы на игрушки.

— Надо немедленно прекратить это безобразие,— говорю я.

Но прекратить безобразие очень трудно. И виновата прежде всего сама мама, так как она покупает игрушек больше всех нас, вместе взятых.

У мамы с Рисом сложные отношения. И прежде всего из-за вопроса, кто нашел в капусте Риса: бабушка или мама. Иногда этот вопрос до того раздражает маму, что она начинает заниматься им всерьез и почти доказывает Рису, что именно она нашла его в капусте, а не бабушка. При этом мама в качестве аргументов приводит довольно увесистые шлепки, Рис кричит не своим голосом, бабушка кричит еще больше, дедушка мечется с непроницаемым лицом, я пытаюсь выдрать Риса из цепких рук бабушки. После длительной борьбы все-таки побеждаем мы с мамой и утаскиваем Риса в спальню.

— Побудь, дорогой сыночек, с родителями,— говорю я Рису.

— Ым,— отвечает Рис, несколько неуверенно замахиваясь на меня локтем.

Мама поглядывает на часы. Скоро у нее ка-

кой-то очень ответственный актив. Ей не хочется уезжать, не помирившись с Рисом.

— Дурачок ты маленький,— говорит она.— Мы тебя с папой очень любим. Завтра я куплю тебе игрушку.

— Сегодня,— говорит Рис быстро.— Пожарку. Большую-пребольшую.

Эта пожарка стоит почти тридцать рублей. Я внимательно смотрю на маму. Она делает вид, что не замечает моего взгляда.

— Куплю, сыночек, обязательно куплю,— торопливо говорит мама.— Только ты скажи, кто тебя нашел в капусте?

— Ладно уж,— снисходительно соглашается Рис.— Так уж и быть, ты меня нашла. Только покатай на спине.

Чтобы не нервничать, я ухожу в спальню читать «Советский спорт», но строчки прыгают у меня перед глазами, по спине пробегают мурашки. Отбросив в сторону «Советский спорт», я начинаю обдумывать различные планы, как заняться вплотную воспитанием Риса по спартанскому методу, но в глубине души понимаю, что бабушка не выпустит из своих рук внука ни на один день. Она заявляется к нам ранним утром и уезжает поздно вечером. Один раз мы взяли с собой Риса в отпуск, но не прошло и двух дней, как бабушка явилась в Ялту прямо на пляж. Бедный Рис десять дней просидел на берегу в тени, закутанный в махровое полотенце, и только знал, что ел, ел, ел. Изредка бабушка приносила в резиновой купальной шапочке немного морской воды и смачивала ему голову и ноги. На одиннадцатый день, после того как в море чуть не утонула далеко заплывшая женщина, перепуганная бабушка увезла от нас Риса домой.

Вот как бабушка любит своего внука. Она любит его даже больше, чем свой родной трест «Водоканалтрест».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАШЕЙ БАБУШКЕ, ИЛИ О ТОМ, КАК РИС ПОБЕДИЛ ТРЕСТ «ВОДОКАНАЛТРЕСТ»

Когда Рис появился на свет, немного окреп и, держась за стенку, встал на ноги, у мамы на носу была защита дипломного проекта, а мне надо было ехать на очень ответственные зональные соревнования. Рису предстояло самому расти и воспитываться.

— Придется тебе отсрочить защиту на год,— сказал я маме.

— Ну, уж нет! — горячо воскликнула мама.— Теперь твоя очередь. Сиди с ним!

— Но у меня соревнования,— заметил я.

— Один раз можно пропустить,— возразила мама.

— Пропусти ты один год,— предложил я.

Мама заплакала.

— Ты не хочешь, чтобы у меня было высшее образование... Ты видишь во мне только домработницу... Я давно это знаю. Ты бесчувственный, толстокожий спортсмен!

— Какой есть,— сказал я.— Попробуй найди чувствительного, тонкокожего.

Мама заплакала еще пуще.

От плача и криков просыпался Рис и поднимал страшный рев. В потолок, пол и стенки начинали стучать.

После зрелого размышления я пришел к мысли обратиться за помощью к бабушке.

В то время бабушка занимала пост управляющего трестом «Водоканалтрест». У нее был кабинет, три телефона и склеротический секретарь-машинист, который никого не узнавал, в том числе и меня.

— Вы по какому вопросу? — неизменно спрашивал старичок, когда я приходил к бабушке.

— По личному, — говорю я.

— Прием по личным вопросам по вторникам и четвергам,— буркает старичок и кивает на табличку «Часы приема», приколоченную на дверь.

— Я сын,— сообщаю я.

— Чей сын? — удивляется старичок.

— Ее,— киваю я на дверь.

— Ах, ее,— морщит лоб старичок.

Очередь в приемной, конечно, во время этой сцены пожирает меня глазами, словно никогда не видела живого сына.

Окончание в следующем номере.

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЮТ

В журнале «Огонек» № 30 была опубликована критическая заметка читателя Корешова о задержке доставки в розничную продажу журнала «Огонек».

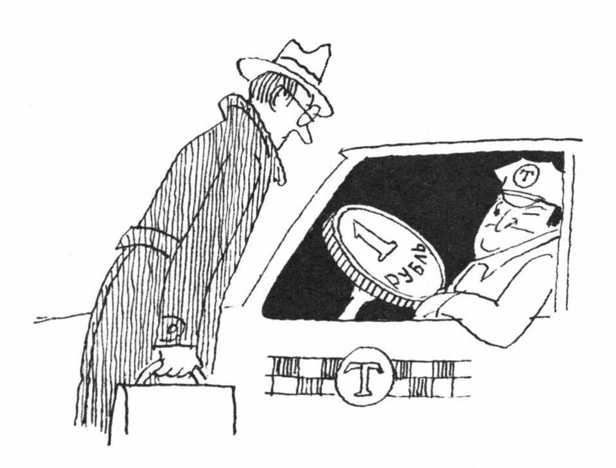
В ходе расследования факта, изложенного в этой статье, установлено, что журнал «Огонек» № 20 на журнальную базу города поступил 27 мая 1975 года, а отправлен с базы 5 июня. Задержка произошла по причине ревизии и передачи в это время базы новому заведующему. Подобные случаи имели место и ранее. За нарушение сроков доставки журналов в киосковую сеть и слабое руководство коллективом бывшая заведующая базой тов. Нежданова Т. В. от должности освобождена.

За недостаточный контроль за работой журнальной базы начальнику городского агентства тов. С. Ф. Упорову строго указано. Данная заметка обсуждена на совещании руководящего состава Кировского агентства и собрании коллектива базы.

В настоящее время журнал «Огонек» отправляется по отдельным разнарядкам, как правило, на другой день после поступления на базу.

Областным агентством его доставка взята под строгий контроль.

Заместитель начальника Свердловского областного агентства «Союзпечать»
П. И. ЖИЛЯКОВ

ОПЕРАЦИЯ «ГАРУН-аль-РАШИД»

ФЕЛЬЕТОН

Б. ПРОТОПОПОВ

У небезызвестного халифа Гаруна-аль-Рашида была хорошая привычка. Раз или два в месяц он ночью будил своего визиря и предлагал:

— А пойдем-ка прошвырнемся по Багдаду!

— Слушаю и повинуюсь! — отвечал тот.

И, приняв обличье простых горожан, они отправлялись на улицы столицы.

Как свидетельствует Шехеразада, эти ночные прогулки приносили иногда несомненную пользу. Застигнутые врасплох, багдадские хулиганы и жулики наутро представали перед грозные очи халифа, который чинил над ними суд и расправу.

«Тысяча и одна ночь» — так называется книга, где описываются в числе других и ночные приключения Гаруна. Я рад сообщить читателям, что сейчас представляется возможность пополнить это знаменитое собрание еще одной новеллой, или, если хотите, еще одной «ночью».

Я имею в виду ту ночь, когда Михаил Федорович Бородич, возвращаясь из делового вояжа, сошел с поезда на родной станции Гомель.

По привокзальной площади ветер крутил снежную пыль, тускло горели фонари. Было холодно и неуютно. Михаилу Федоровичу очень хотелось домой — к семье, в тепло. Хотелось горячего чая. Но автобусы уже отдыхали на своих стоянках, сбившись в кучу, как стадо слонов. Давно отзвенели трамваи. Но зато десятки зеленых огоньков такси, прибывших к вокзалу, манили усталого путника.

— Здравствуйте! Поехали? — сказал Михаил Федорович, заглянув в окошко первой машины.

— Здравствуйте, — вежливо отозвался шофер, поднимая голову с баранки. — А куда поехали?

— Да тут недалеко, — радостно сообщил Бородич и назвал адрес.

— Не выйдет, гражданин, — сожалея, молвил шофер, — никакого смысла нет ехать! — И, зевнув, опустил голову на руль, показывая этим, что разговор окончен.

Михаил Федорович пожал плечами, но, поразмыслив, спорить не стал и подошел к другому огоньку. Здесь водитель не дремал. Высунувшись из машины, он острым, оценивающим взглядом смотрел на вереницу пассажиров, выходящих из вокзала.

— Поехали! — решительно сказал Михаил Федорович. И взялся за ручку дверцы.

Но у него не было ни солидного багажа, облепленного авианаклейками, ни орлиного кавказского профиля, ни того искательного выражения на лице, которое отличает выгодного пассажира. Поэтому таксист легко отодвинул его локтем и сделал приглашающий жест двум молодым людям, которые приближались к автомобилю колеблющейся походкой.

Третий таксист, узнав о маршруте, лишь улыбнулся наивности гражданина. Четвертый...

Но довольно! Михаил Федорович все-таки доехал домой, уплатив, правда, вместо тридцати копеек целковый.

Следует сказать, что, вынимая деньги, он сурово сдвинул брови, и зря водитель не обратил на это внимания. Впрочем, откуда ему было знать, что он вез в некотором роде Гарун-аль-Рашида?..

На следующий день незадачливый пассажир вошел в кабинет с надписью на двери: «Заместитель председателя исполкома Гомельского областного Совета». Вскоре он вызвал секретаря: «А ну-ка соедините меня с милицией и госавтоинспекцией!»

Через час в кабинете бушевала гроза. Потом вдруг наступила тишина...

— Не велено принимать никого! — отвечала секретарь посетителям.

За дверью вырабатывался секретный план.

— ...Свои не годятся, — слышались голоса, — таксисты знают их в лицо!..

— В город съехались на совещание сотрудники ОБХСС из районов...

— Годится. Мобилизовать всех! И никому ни слова!..

Наконец двери открылись, и присутствовавшие на совещании разошлись, выдерживая на лицах выражение непроницаемости.

Тем же вечером ничего не подозревавшие таксисты возили по своим самым любимым маршрутам — вокзал — рынок — автостанция — десятки пассажиров, одетых в штатское.

Через два часа работники милиции были разоблачены и всем водителям такси по авторациям были сообщены их устные портреты. Но было уже поздно. За два часа составлено шесть актов только на крупные нарушения, не считая мелочей. Двенадцать водителей привлекались к ответственности.

Как видим, операция «Гарун-аль-Рашид» привела к неплохим результатам. Может быть, почин Михаила Федоровича Бородича следует распространить на руководящих работников сферы обслуживания? Ведь во многих городах и весях таксомоторные дела обстоят не лучше.

— А ну-ка давай прокатимся по вечерним и ночным улицам, — скажет главный начальник всех «зеленых огоньков» своему заместителю. И они отправятся в вояж.

Это принесет больше пользы, чем множество наших жалоб на работу таксомоторных парков.

ЦЕЛЬНОСТЬ

В дни гастролей Ивановского театра музыкальной комедии в Московском театре оперетты, где проходили спектакли гостей, свободных мест не было. И случайных зрителей — тоже.

В числе спектаклей, показанных в Москве, была героико-романтическая музыкальная комедия лауреата Ленинской премии В. Соловьева-Седого «Восемнадцать лет» по пьесе В. Константинова и Б. Рацера.

Знаменитые военные песни Соловьева-Седого стали основой постановки, сообщившей ей подлинную и неповторимую образность. В этой музыкальной стихии и родились образы героев, прошедших сквозь войну и сохранивших свежесть чувств, энергию молодости. В спектакле есть та «истина страстей», которая превращает его в художественную реальность, заставляя зрителей напрягать душевные силы в желании помочь героям... Причиной тому и высокое профессиональное мастерство и полная самоотдача участников спектакля. Темпераментна, разнообразна Э. Кузнецова, исполнительница роли Лиды. В первом акте мы видим ее готовящуюся к экзаменам в театральный институт, в финале она известная актриса... Э. Кузнецова должна была убедить зрителя в том, что Лида по-настоящему талантлива, и исполнительница успешно решает эту непростую задачу. Зрителей подкупает и голос, и танец, и драматическое искусство.

Достойным партнером Э. Кузнецовой показал себя А. Ковалев в роли Леши, который из вчерашнего десятиклассника становится опытным, умелым летчиком. К своей любви он идет честной и очень нелегкой дорогой...

Запоминается и другая молодая пара — изобретательный и остроумный Вася, сыгранный Б. Кучиневым, и сдержанная, способная на глубокое чувство Аня И. Ситновой. Как старых добрых знакомых встречает зал «стариков»: Л. Высоцкую в роли Ольги Андреевны и С. Артюшкевича — Дмитрия Михайловича. Эти артисты, обладающие большим сценическим обая-

ТИХИЕ СЛОВА

Патриотизм — чувство во многом интимное и далеко не всегда рвется для непременного выражения своего на площадь. Порою Родина ждет от поэта признания в любви шепотом, и тогда чем тише, скромнее голос поэта, тем нечаяннее и достовернее его слово, тем оно долговечнее. В бесконечных пространствах России затерялись тысячи деревенек, лесных полян, озер, затаивших в своем неслышном существовании глубины врожденного смысла. И, чтобы открыть эти глубины, надо по слуху найти точное слово и произнести его вполголоса: чуть громче — и вспугнешь смысл, заглушишь собственным криком. Работа тонкая, филигранная — на нее изводят бездны стихов, а удачи редки. Мы дорого ценим эти удачи, потому

Евгений Савинов. Июнь моего поколения. Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд-во, 1973, 256 стр.

Евгений Савинов. Берегиня. М., «Советский писатель», 1974, 104 стр.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ЗАПЛАНИРОВАННАЯ КЛЯКСА»

Так назывался материал под рубрикой КВД, опубликованный в № 52 «Огонька» за прошлый год. На выступление журнала ответил главный инженер «Союзоргтехники» Э. Лаптев. Он пишет, что «Союзоргтехника» рассмотрела статью «Запланированная клякса» и считает правильной критику качества выпускаемых чернил для перьевых авторучек. На совместных совещаниях специалистов Министерства химической промышленности, Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления было принято решение организовать на предприятиях Минхимпрома (Пермский химический завод имени Орджоникидзе и Рубежанский химический комбинат) производство чернил «радуга-2» по улучшенной рецептуре.

Однако из общего количества выпускаемых чернил по улучшенной рецептуре производится лишь небольшая часть. Продолжается производство чернил «радуга», у которых недопустимо высокий осадок красителя, да и слишком быстро высыхают они в капиллярной системе авторучек. Министерство приборостроения неоднократно обращалось в Министерство химической промышленности с просьбой ускорить организацию промышленного выпуска чернил улучшенного качества. Уже в этом году необходимо начать производство чернил «радуга-2» и «салют» в необходимых объемах. Следовало бы прекратить промышленный выпуск чернил «радуга», ибо они не соответствуют уровню развития средств письма. Нужно ускорить разработку и освоение производства новых, более качественных красителей.

В последнее время объединение «Союзоргтехника» прилагает немалые усилия, стремясь повысить качество авторучек. Но все эти усилия идут насмарку только потому, что нет хороших чернил. По-прежнему преимущественно выпускаются обычные чернила «радуга», дающие непомерно большой сухой остаток.

гастроли

«Восемнадцать лет». И. Ситнова в роли Ани и А. Ковалев — Леша. Фото М. Строкова.

нием, заставляют проникнуться симпатией к своим человечным и мужественным персонажам.

Одно из самых привлекательных свойств артистов Ивановского театра — умение создать яркий характер, не пытаясь эксплуатировать приемы, безотказно вызывающие аплодисменты. В оперетте-памфлете Г. Гладкова «Желтый дьявол» (по пьесе А. Борисова и Г. Фере) Л. Высоцкая, С. Артюшкевич, Б. Кучинев и И. Ситнова предстают совершенно иными, нежели в спектакле «Восемнадцать лет», доказывая, что вполне владеют даром перевоплощения.

Цельность — так хочется охарактеризовать основное впечатление от гастролей ивановцев. Режиссер Б. Бруштейн, дирижер В. Хоруженко, художник Я. Зейде, балетмейстер Б. Борисов и все исполнители создают спектакли яркие и зрелищные, в которых художественная мысль развивается с закономерностью и логикой мелодии.

А. БАТАШЕВ

что и единственная подлинно поэтическая строка способна сделать нашу любовь к Родине глубже, искренней.

Эти синие-синие выси,
Белокованая земля...
Словно выписал Дионисий
Фрески русского февраля.

Все ликующе, все прозрачно
Накануне весенних дней.
Все наивно и однозначно —
Без оттенков, полутеней.

Так исподволь, целиком растворившись в увиденной красоте земли, поэт Евгений Савинов не провозглашает, а выговаривает свою программу. Путь Савинова к «наивному и однозначному» слову был многотруден и сложен, как путь всего поколения, попавшего вместо студенческой скамьи в окопы и траншеи Великой Отечественной.

Я знал дыхание металла,
Знал запах гари полевой.

И знание это научило «черпать силу из родников своей земли». Из родников ярославской стороны напоены едва ли не все лучшие стихотворения Е. Савинова. Неприметная, скромная красота этого края и диктует слово тихое, доверчивое. Не всегда оно дается поэту, но лучшие стихи Евгения Савинова говорят сами за себя: они одушевлены словами, которые призвала к звучанию родная земля.

М. ХОЛМОГОРОВ

С № 37 «Огонек» начинает печатать роман Юлиана Семенова «Третья карта».

Читателей ждет новая встреча с популярным героем книг писателя, советским разведчиком Максимом Исаевым — Штирлицем.

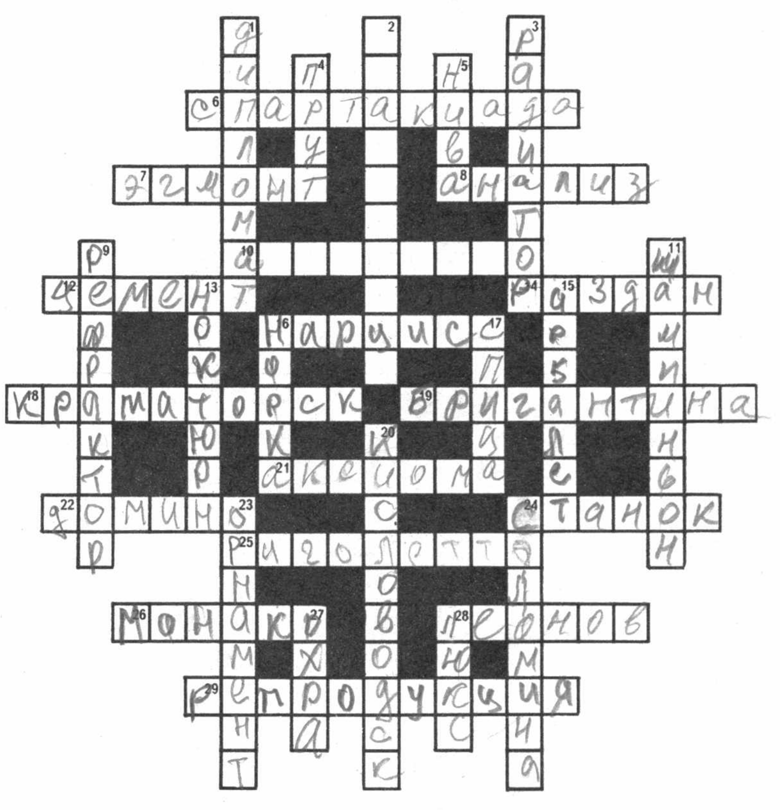
КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Массовое состязание. 7. Драма Гете. 8. Метод научного исследования. 10. Ледниковое озеро у подножия Анд. 12. Строительный материал. 14. Река в Армении. 16. Цветок. 18. Город в Донецкой области. 19. Двухмачтовое парусное судно. 21. Положение, принимаемое без доказательств. 22. Маскарадный костюм. 24. Машина для обработки металла, дерева. 25. Опера Дж. Верди. 26. Государство на побережье Средиземного моря. 28. Советский писатель. 29. Полиграфическое воспроизведение картины, карты, плаката.

По вертикали:

1. Роман Д. Олдриджа. 2. Дневная бабочка. 3. Теплообменный аппарат. 4. Приток Дуная. 5. Засеянное поле. 9. Тип телескопа. 11. Гриб. 13. Музыкальная пьеса. 15. Метательное оружие. 16. Пушной зверек. 17. Часть колеса. 20. Курорт в Ставропольском крае. 23. Узор с ритмическим расположением элементов. 24. Стебель хлебного злака. 27. Природная минеральная краска. 28. Единица освещенности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

5. Греков. 6. Газета. 9. Оранжевая. 10. «Алмаст». 12. Гавань. 14. Класс. 16. Цвирка. 18. Сократ. 19. Черевик. 20. Картер. 22. Одесса. 24. Драга. 26. Гавана. 28. Ангрен. 29. Синтаксис. 30. Сатурн. 31. Чардаш.

По вертикали:

1. Варламов. 2. Ботсвана. 3. Сопот. 4. «Варяг». 7. Парк. 8. Овес. 11. Серпантин. 13. Аккордеон. 15. Антенна. 17. «Анчар». 18. Сукно. 21. Акваланг. 23. Серенада. 24. Дина. 25. Аист. 27. Астра. 28. Ассам.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студентка из Душанбе Зебинисо Рустамова — чемпионка мира в стрельбе из лука. (См. в номере «Автограф Зебинисо».)

Фото А. Бочинина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Закат на Волге.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-28; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/VIII — 1975 г. А 00626. Подп. к печ. 2/IX — 1975 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1998. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 1015.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Плавание закончено. Здравствуй, берег!

С ЯКО

Юный моряк Вова Седых.

Фоторепортаж
А. БОЧИНИНА.

— По местам стоять, с якоря сниматься!— У какого моряка не дрогнет сердце от этой команды.

Всякое плавание — это итог, итог учения и трудов земных, ибо всякое плавание начинается на сухопутье.

Ну а если оно первое, как первый шаг, как первая любовь! Тогда в душе каждого новичка половодье чувств, руки рвутся к работе, а сердце — к подвигу.

Вот и это плавание первое для многих его участников. И пусть кругосветным путешествием здесь не пахнет, а море впереди всего-навсего Рыбинское, но ведь и команда на корабле особая — веселая и горластая, боевая и романтичная — словом, ребятня.

Восемнадцатую навигацию отметил нынешним летом Московский городской клуб юных моряков, речников и полярников — таково его полное наименование. Свыше тысячи мальчишек и девчонок постигли здесь тайны морской науки, изучая судовождение, механику, электродело, радиотехнику и прочие разные премудрости. Зимой—теория, летом—практика, значит, походы на шлюпках и кораблях. А кораблей тут — целая флотилия во главе с флагманом, названным гордым именем «Москва».

И не подумайте, пожалуйста, что нынешний поход самый дальний. Хаживали московские ребята и в Болгарию, и в Польшу, и в Германскую Демократическую Республику. Так что даже у самых ярых завистников, у тех, кого не принимают в клуб из-за нерадивости к школьным занятиям, не поворачивается язык назвать эту флотилию лягушачьей.

А двери здесь открыты всем. Можем даже открыть пароль: «Хотеть, уметь, знать!»

Ю. КРИВОНОСОВ

Наставник юных моряков, старший механик Милованов Павел Дмитриевич.

Матросская плясовая.

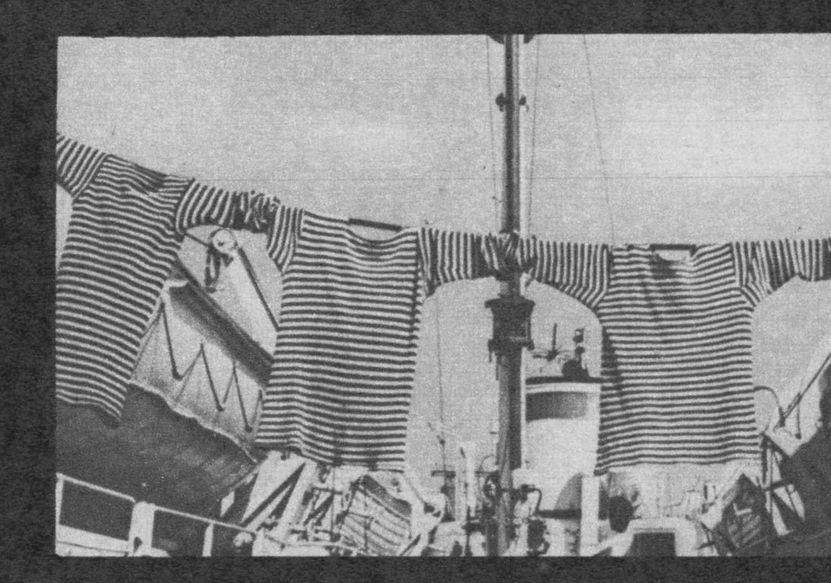
РЯ СНИМАТЬСЯ!

Завтра в школу, а пока — снимок на память.

Аврал!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663